

P $\frac{102}{527}$
v. 1-2

1843.

АНЕКДОТЫ
НАПОЛЕОНА

МОСКВА.

p. 102
527

Шв. Горбунов.

АНЕКДОТЫ

НА ПОЛЕОНА,

съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія; поэтическія воззванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы.

Собралъ А. С.

He died, as erring ma should die,
Without displag—Without parade!

Вулон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ типографіи Николая Степанова.

1845.

Российская
Государственная
Библиотека

3009-93

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. Москва. Апрѣля 50 дня 1843 года.

Ценсоръ *Н. Крыловъ.*

2007332739

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is written in a cursive script and appears to be a list or a set of instructions. The words are difficult to decipher due to the angle and fading, but some legible fragments include:

- Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page.
- Fragment 1: "Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page."
- Fragment 2: "Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page."
- Fragment 3: "Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page."
- Fragment 4: "Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page."
- Fragment 5: "Handwritten text in blue ink, likely bleed-through from the reverse side of the page."

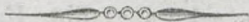
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣчанную тѣнь!

А. С. Пушкинъ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА.

Наполеонъ родился въ Аякчіо въ Корсикѣ 15 Августа 1769 года отъ Карла Бонапарте, благороднаго Корсиканца, и Летиции Раньолини. Карль Бонапарте, предки котораго были урожденцы Тосканскіе, и поселились въ Аякчіо за 200 лѣтъ предъ этимъ, училъ въ Римѣ народнымъ правамъ; но приставъ къ Паоли, оставилъ магистерство и сражался какъ простой солдатъ съ Французами, когда они съдѣлали впаденіе въ Корсику. По завоеваніи этого острова, онъ хотѣлъ было

уѣхать съ Паоли, но одинъ дядя его, каноникъ, удержалъ его; послѣ, какъ жена его познакомилась съ Г-мъ Марбефомъ, Корсиканскимъ Комендантомъ, пожалованъ онъ былъ въ королевскіе прокуроры въ Аякціо. Когда въ 1773 году была отправляема къ Людовику XV депутація отъ трехъ званій, Карлъ Бонапарте былъ избранъ отъ дворянства.

У него были три сына * и четыре дочери; по смерти его Марбефъ, продолжая покровительствовать его фамиліи, помѣстилъ втораго сына, Наполеона, прежде въ Отюньское училище, потомъ въ Бриенскую военную школу, гдѣ скоро выказался его сильный характеръ и большое расположеніе къ высшимъ наукамъ. Врагъ всякихъ игръ и забавъ своихъ товарищей, онъ предавался болѣе размышленію

* Намъ извѣстны пятеро: Іосифъ, Наполеонъ, Люсьенъ, Людовикъ и Геронимъ.

и поставлялъ все удовольствіе находить-
ся въ уединеніи. Въ часы отдыха зани-
мался онъ разведеніемъ сада на частицъ
земли, которая давалась ученикамъ. Де-
ревья, обсаженные имъ вокругъ, соста-
вляли нѣкоторый родъ эрмитажа, въ
который онъ не впускалъ ни кого, и дер-
ско защищалъ отъ шалостей соучениковъ.
Въ день св. Людовика былъ большой празд-
никъ въ военной школѣ; всѣ веселились,
а онъ въ своемъ садикѣ занимался нау-
ками. Въ 9 часовъ вечера зажженъ былъ
фейерверкъ подлѣ его саду; по несча-
стію, загорѣлся ящичекъ съ порохомъ:
его разорвало и ушибло многихъ. Нѣко-
торые, спасаясь, повалили полисадъ Бона-
партева сада. Онъ, услышавъ шумъ, тот-
часъ прибѣжалъ и встрѣтилъ заступомъ
тѣхъ, которые перелезали и ломали его ук-
рѣпленія. Бонапарте въ 1789 году вышелъ
изъ военной школы, пріѣхалъ въ Па-

рижъ, гдѣ жила тогда мать его, и, по-склонности своей къ артиллеріи, началъ учиться математикѣ. Рвеніе его къ этой наукѣ доставило ему вскорѣ мѣсто въ артиллерійскомъ Феровомъ полку, въ которомъ онъ служилъ два или три года въ самую революцію. Онъ съ жаромъ принялся за новую систему и поддерживалъ ее съ самаго начала съ энтузіазмомъ, который навлекъ на него гнѣвъ его товарищей. По этому предмету онъ имѣлъ съ ними часто жаркія ссоры, и одинъ разъ, во время прогулки по берегу съ нѣкоторыми офицерами, споръ о началахъ революціи дошелъ до того, что хотѣли его бросить въ море. Наоли, прибывши во Францію, принялъ вѣнокъ отъ народа въ 1790 году, обнялъ его какъ сына стараго своего друга; потомъ встрѣтились они въ Корсикѣ, гдѣ Бонапарте вышелъ изъ артиллеріи подполковникомъ

въ національную гвардію. При второй экспедиціи противъ Сардиніи, онъ съѣлъ на суда съ своими соотечественниками и завладѣлъ небольшимъ островомъ Магдалиною; но недовольный дисциплиною и разпорядкомъ войскъ, собранныхъ для этого предпріятія, возвратился въ Аякцію. Въ это время Паоли вознамѣрился соединить Корсику съ Англіею. Бонапарте не одобрялъ такого намѣренія. Но по привязанности его къ Паоли былъ арестованъ. Впрочемъ Бонапарте остался вѣренъ Франціи. Въ это время городъ Тулонъ достался въ руки Англичанъ. Депутатъ Салисетти, знавшій Бонапарте, рекомендовалъ его какъ человѣка съ большими воинскими способностями, и Баррасъ употребилъ его противъ Тулона съ чиномъ бригаднаго шефа. Здѣсь, подъ командою Дюгомье, онъ много споспѣшествовалъ къ скорой сдачѣ города искуснымъ на-

*

правленіемъ артиллеріи; но покушеніе, сдѣланное имъ противъ Аякчіо, занятаго тогда Англичанами, не столько было успѣшно. Въ концѣ 1794 года, Бедроа, членъ національнаго собранія, арестовалъ его какъ террориста; но не найдя ничего подозрительнаго ни въ поведеніи, ни въ бумагахъ его, освободилъ. Тутъ пріѣхалъ Бонапарте въ Парижъ просить мѣста, но не получилъ онаго.

Баррасъ, командовавшій противъ бунтовщиковъ, взялъ его къ себѣ, и Бонапарте много споспѣшествовалъ къ тому, что совѣтъ восторжествовалъ. Покровитель его, чрезвычайно довольный имъ, сдѣлалъ его вторымъ генераломъ во внутреннюю армію, и вскорѣ генераль-аншефомъ. Зимою (23 Іюля 1795) Наполеонъ женился на госпожѣ Богарне, знакомой Барраса, который потомъ составилъ ему начальство надъ Италіанскою

арміей. Съ этого времени начинается воинская слава Наполеона.

Бонапарте открылъ кампанію 10 Апрѣля 1796 года Монтенотскою побѣдою; въ теченіи этого же мѣсяца онъ разбилъ Австрійцевъ при Мондови и другихъ мѣстахъ, и принудилъ Генерала Колли отступить въ Кераско, откуда такъ же выгналъ. 28 подписалъ перемиріе съ Королемъ Сардинскимъ, заставивъ его для вѣрности сдать Кони и Тортопу. Чрезъ нѣсколько времени заключенный въ Парижѣ миръ утвердилъ за Франціею Савойю, Графства: Ниццу, Тенду и Бейль. Въ началѣ Маія перешелъ По, сдѣлалъ перемиріе съ Герцогомъ Пармскимъ, который принужденъ былъ заплатить 2 милліона денегъ, 700 лошадей; а 11 Маія покусился сдѣлать славный переходъ чрезъ Адду, не смотря на всѣ усилія Австрійцевъ воспрепятствовать тому. Въ слѣд-

ствіе этой побѣды перенесъ генеральную квартиру въ Миланъ и согласился на перемиріе съ Герцогомъ Моденскимъ подъ условіемъ, чтобъ онъ заплатилъ 10 милліоновъ или наличными деньгами, или провіантомъ, и позволилъ выбрать въ его галереѣ и владѣніяхъ 200 картинъ. Когда Наполеонъ хотѣлъ оставить Миланъ, чтобы продолжать дѣйствія, произошелъ бунтъ въ этомъ городѣ, въ Павіи, и распространился почти до Ломбардіи. Въ Миланъ скоро было возстановлено спокойствіе, но въ Бинаско 800 вооруженныхъ крестьянъ покусились защищаться. Бонапарте сжегъ деревню и больше 200 бунтовщиковъ побилъ. Онъ отнесся къ Миланскому Архіепископу и послалъ его въ Павію съ страшною къ народу прокламаціею; но когда и это средство не имѣло никакого дѣйствія, то Бонапарте изломалъ городскія ворота пушечными выстрѣлами и

прогналъ бунтовщиковъ. Онъ собралъ войско, но къ счастью не было ни одного убитого; въ противномъ случаѣ онъ хотѣлъ разрушить Павію и среди развалинъ поставить столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ городъ Павія.» Муниципальные чиновники были разстрѣляны и 200 аманатовъ взяты, въ удостовѣреніе покорности жителей. Послѣ этого онъ опять пошелъ противъ Болье, перешелъ Минчіо, одержалъ побѣду при Боржетто, а передовые его посты дошли до Тироля. Неаполитанскіе и Римскіе корпусы были имъ истреблены или разсѣяны, Мантуя тѣсно сжата. Съ Неаполитанцами онъ заключилъ перемиріе, вошелъ въ Модену, занялъ Болонь, Урбинскій замокъ, сдѣлалъ перемиріе съ Папою на условіяхъ, чтобъ Феррара и Болонія остались въ его рукахъ, чтобъ сдана была Анконская цитадель и заплачено миллі-

онъ денегъ. Потомъ далъ знать Герцогу Флоренційскому, чтобъ уступилъ Ливорну, что и исполнено было чрезъ два дня. Луккская республика должна была поставить 6000 тысячъ ружей, Герцогъ Тосканскій заплатить контрибуцію, а благородные Генуезцы обязаны были прѣхать въ Тортону, дать присягу въ вѣрности Французской республикѣ. Таково почти было состояніе Италіи, когда Болье оставилъ Австрійскую армію и Вурмзеръ заступилъ его мѣсто. Въ началѣ этой кампаніи Бонапарте имѣлъ не болѣе 25,000 тысячъ пѣхоты и десяти тысячъ конницы, нѣкоторую часть артиллеріи даже таскали на рукахъ; но Бонапарте въ послѣдствіи столько набралъ рекрутовъ въ этой же землѣ, что въ Іюль у него было двадцать тысячъ конницы. Келлерманъ, чрезъ Граубинденъ пробираясь въ Германію, привелъ ему новыхъ

войскъ, и 6-го Юля Бонапарте, съ обыкновеннымъ своимъ счастьемъ, отбилъ страшныя линіи, защищавшія Тироль. Съ другою стороны онъ хотѣлъ было принудить къ сдачѣ Мантую, но не успѣлъ въ этомъ. Тогда онъ началъ дѣлать осаду, велѣлъ палить каменными ядрами и зажегъ многія строенія. Вторая параллель была окончана; Графу Кампо Д'Ириссъ предложилъ онъ уже сдаться; приступлено было къ переговорамъ. Но Вурмзеръ, собравши всѣ свои войска въ Тироль, напалъ на всѣ позиціи Французовъ на обоихъ берегахъ Гардскаго озера, отбилъ ихъ и прибылъ на помощь къ осажденнымъ. Бонапарте оставилъ свои укрѣпленія, бросилъ осадную артиллерію и рѣшился отважиться на все, чтобъ прогнать этого Генерала. Многія сраженія, при разныхъ мѣстахъ выигранныя, далеко откинули Австрійцевъ, и Мантуя снова была въ блокадѣ.

Въ сраженіи при Санъ-Джіорджіо Бонапарте показаль удивительное хладнокровіе: онъ съ 1,200 человекъ, окруженный почти 4000 Австрійцевъ, которые вынуждали его сдаться, имѣль самъ дерзость предложить имъ; чтобъ положили оружіе, и они согласились на капитуляцію.

Но старый Вурмзеръ не потеряль бодрости: онъ сколько искуснымъ, столько и смѣлымъ маршемъ успѣль засѣсть въ Мантуъ, которую и защищаль до 2 Февраля 1797 года, и которая стоила Французамъ болѣе 20,000 человекъ. Снова укрьпивъ этотъ городъ, Бонапарте прерваль перемиріе съ Герцегомъ Моденскимъ и Папою, захватилъ владѣнія перваго, а у втораго отнялъ Романию, Герцогство Урбинское, Анконскій округъ, и кончилъ тѣмъ, что согласился съ нимъ на миръ въ Февраль 1799 года. Король Неаполитанскій и Герцогъ Парускій съ по-

спѣшностію заключили миръ съ Респу-бликою; между тѣмъ новая Австрійская армія шла подъ предводительствомъ Альвинчія, чтобъ соединиться съ остатками Вурмзеровой, отступившей въ Тироль, и потомъ идти на помощь Мантуѣ. Но двукратное пораженіе Австрійцевъ заставило Альвинци отступить къ Тиролю. Одинъ изъ дивизіонныхъ его Генераловъ, Г-нъ Провера, прорвался къ Мантуѣ, но былъ взятъ въ плѣнъ и съ своею колонною въ виду надѣявшихся на помощь его. По сдачу этой крѣпости, Бонапарте вздумалъ напасть на Австрійцевъ, которыми командовалъ Эрцъ-Герцогъ Карлъ. Переходы при Піавѣ, Тальяменто, Изонцо и победы при Казаль, Тарвисѣ, Шузѣ, Трапинѣ, Кназенѣ, Неймаркѣ и Гундмаркѣ открыли ему путь въ наслѣдственныя области. Но Венеціане, съ помощію Австрійцевъ, бывшихъ въ Тироль, и съ по-

мощию жителей, прогоняя корпус, оставленные имъ въ этой странѣ, отрѣзали ему сообщеніе съ Франціею. Находясь въ такомъ положеніи, Бонапарте сдѣлалъ Эрцъ-Герцогу предложеніе о мирѣ, который, не зная что происходило позади Французской арміи, съ радостію принялъ оный. Тогда республиканскій Генераль легко отмстилъ Венеціи за опасность, въ которую она поставила его: она была покорена и отдана Австріи въ вознагражденіе 17 Октября 1797 года, въ день заключенія мира въ Кампо-Форміо при Удино.

Скорость завоеваній и переговоры, занявшіе потомъ Бонапарте, не помѣшали ему взять на себя ролю законодателя. Цизальпинская Республика, составленная изъ земель, имъ завоеванныхъ, получила отъ него конституцію, чиновниковъ и войско. Онъ хотѣлъ даже вмѣшатель-

ся въ это время во внутреннее правленіе Франціи; онъ говорилъ къ войску своему такую рѣчь, которая служила объявленіемъ, посланнымъ отъ многихъ корпусовъ его арміи, противъ пятисотнаго совета. Дивизионный его Генераль взялъ на себя привести это въ дѣйствіе. Его наименовали президентомъ Французскаго посольства въ Роштадтъ, гдѣ долженъ былъ трактовать о мирѣ съ Имперіею; но онъ уѣхалъ въ Декабрѣ въ Парижъ и приготовилъ подъ видомъ высадки въ Англію экспедицію въ Египетъ. Истинное побужденіе къ такому предпріятію можетъ быть навсегда останется тайною для Европы. Вообще же думаютъ, что директорія чрезъ то хотѣла удалить сильнаго человѣка, или что этотъ Генераль, не видя предъ собою открытаго пути во Франціи, но упоенный счастіемъ, не отчаявался, утвердись въ Египтѣ, разрушить въкогда

Англійское владычество въ Индіи, или достигнуть даже Константинополя, чтобъ подать потомъ руку помощи взбунтовавшимся Полякамъ. Ни одно изъ этихъ намѣреній не исполнилось; однакожь нельзя отвергнуть, что счастье не благопріятствовало Бонапарте и на Средиземномъ Морѣ, среди песковъ, гдѣ полагали вѣрную его гибель. Завоеваніемъ Мальты онъ обязанъ худой вѣрѣ; Египетъ не трудно было завоевать Французской арміи; но исправная дисциплина, помощію которой онъ умѣлъ въ этомъ жаркомъ климатѣ предохранить войска свои отъ болѣзней и отъ смертоубійствъ; экспедиція его въ Азію, которая конечно не содѣйствовала его намѣреніямъ, но разсѣяла шедшую противъ него армію; непоколебимое постоянство, которое онъ показалъ при отступленіи изъ Акры, и скорость, съ которою разбилъ Турецкій корпусъ, вы-

саженный при Лбукирь, заставляють отдать ему справедливость. Призванный въ Европу для произведенія въ дѣйствіе революціи, приготовленной (какъ нѣкоторые думаютъ) но не произведенной хитрымъ и боязливымъ Сіесомъ, онъ въ одинъ день 10 Ноября 1799 года испровергъ конституцію, существовавшую съ 1795 года, которой такъ часто и торжественно клялся, и въ одну минуту, какъ противорѣчія и кинжалы заставили его забыть обыкновенную свою скрытность, обнаружилъ свой характеръ болѣе, нежели во всѣ 10 лѣтъ революціи. Не считая многихъ другихъ непріятелей, онъ имѣлъ весьма страшныхъ — якобинцовъ и недостатокъ; и одного истиннаго союзника, на котораго можно было положиться — всеобщее изнеможеніе.

23 Января учреждень Французскій Банкъ. 16 Мая Наполеонъ выѣхалъ изъ

Парижа къ арміи, направляемой въ Ита-
лію. Скоро Наполеонъ отворилъ ворота
города Милана; а 14 Іюня 1800 сраже-
ніе при Маренго почти кончило кампанію
и возстановило Цизальпинскую республи-
ку, утвержденную 17 Іюня; 29 Іюня Напо-
леонъ отправился въ Парижъ и прибылъ
въ оный 3 Іюля. 3 Октября заключенъ
торговый трактатъ съ Соединенными
Американскими областями.

9 Февраля заключенъ Люневильскій
трактатъ.

1 Октября 1801 года подписаны пре-
лиминарныя статьи съ Англіею.

8 Октября миръ съ Россіею.

8 Января 1802 въ Ліонъ принимаетъ
званіе Президента Цизальпинской Респу-
блики.

25 Марта 1802 заключенъ Амьенскій
трактатъ.

2 Августа Наполеонъ пожизненный первый Консуль.

1803, въ концѣ Маія, война съ Англіею. Французы вторгаются въ Ганноверъ.

22 Іюня Наполеонъ отправляется въ Бельгію.

20 Марта 1804 Наполеонъ приказалъ разстрѣлять Герцога Ангіенскаго.

18 Маія 1804 Наполеонъ Императоръ; Іосифъ Бонапарте Великій Курфистръ, а Людовикъ Конетабль. Камбасересъ сдѣланъ Архиканцлеромъ, а Лебрюни великимъ Казначеемъ; главныхъ генераловъ корпусовъ Наполеонъ называетъ Маршалами. Бонапарте осматриваетъ приморскія крѣпости и берега со стороны Англіи, замышляя сдѣлать высадку въ оную.

2 Ноября 1804 Папа Пій VII ѣдетъ изъ Рима во Францію короновать Наполеона.

2 Декабря 1804 коронованіе Наполеона.

17 Маія 1805 Императоръ Наполеонъ принимаетъ корону Италіи.

26 Маія коронованіе Императора Наполеона и Императрицы на Италіянское королевство въ Миланъ.

9 Ноября декретъ объ уничтоженіи республиканскаго календаря.

11 Ноября Наполеонъ вступаетъ въ Вьну.

25 Декабря миръ съ Австріею.

19 Января 1806 бракъ принца Евгенія, сына Жозефины, съ принцессою Баварскою Агустою Амаліею, усыновленіе его Наполеономъ и возведеніе въ Вице-Короля Италіи.

10 Маія Людовикъ Бонапарте Король Голландіи; въ томъ же году Наполеонъ дѣлается главою Германскаго Союза. Въ Октябръ война съ Пруссіею. 14 Октября

Тенская баталія. Война съ Россією; Тильзитскій миръ. Вскорь кровопролитная война съ Испаніей. 1809 война съ Австріей; Ваграмское сраженіе оканчиваетъ оную. 16 Декабря 1809 разводъ съ Жозефиною.

1 Апрѣля 1810 бракъ Наполеона съ Марією Луизою, принцессою Австрійскою. 1812 война съ Россією. Посль неудачныхъ сраженій, Наполеонъ оставилъ свою армию подь командою Неаполитанскаго Короля Мюрата. 18 Декабря прибылъ въ Парижъ.

Новая попытка Наполеона, уничтожившая при Дрезденѣ и Лейпцигѣ самого сего властолюбца. Союзныя арміи, 19 Марта 1814, вступили въ Парижъ. Во время совершенія капитуляціи Наполеонъ находился въ 4 миляхъ отъ Парижа. 11 Апрѣля подписалъ свое низложеніе. Союзники предоставили ему островъ Эльбу, а супругъ его и сыну Герцогство Пар-

му, Плезансъ и Гвасталу, и сверхъ того 6 милліоновъ ежегодно жалованья. 20 Апрѣля Наполеонъ выѣхалъ изъ Фонтенебло и прибылъ 3 Маія на островъ.

Буйные умы Французскихъ революціонеровъ, находясь въ сношеніи съ Наполеономъ, снова провозгласили его начальникомъ; 26 Февраля 1815 Наполеонъ оставилъ Эльбу и прибылъ въ Провансъ 1 Марта:

20 Марта въ 9 часовъ вечера Наполеонъ въ Парижъ и овладѣлъ престоломъ короля, утромъ того же числа оставившаго Парижъ. Открыта новая кампанія, но сраженіе при Ватерлоо 18 Іюня рѣшило навсегда участь Наполеона.

3 Іюля Наполеонъ, въ Рошефортъ, отдается во власть Англичанамъ и его на корабль Нортумберландъ отвозятъ на островъ Св. Елены 11 Августа.

Сопутниками Наполеону были: Генераль Бертранъ съ супругою и трое дѣтей; Графъ и Графиня Монтолонъ съ дѣтьми; Графъ Ласъ-Казесъ съ сыномъ; Генераль Гурго; 9 служителей мужескаго пола, 3 женскаго, и докторъ Омера.

I.

РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО НАПОЛЕОНА.

Генераль Миорать овладѣль Наваррою. Онъ перешель чрезъ Тессень и принудиль непріятели отступить до Тубиго, гдѣ Генераль Монье атаковалъ его и взялъ деревню на штыкахъ. Миорать покориль Буфароллу. Наполеонъ вошелъ въ Миланъ при восклицаніяхъ многочисленнаго народа, который съ восторгомъ смотрѣль на своего избавителя; всѣ возсылали благодарность къ Небу, Нѣли *Te Deum*, при чемъ былъ и Наполеонъ. Въ письмѣ своемъ къ

обоимъ консуламъ говорилъ онъ такъ: «Не смотря на мнѣніе, какое будутъ имѣть обо мнѣ Парижскіе атенсты, я буду завтра присутствовать при пѣніи: *Te Deum*, которое будетъ совершаться въ кафедральной церкви здѣшняго города.» Слова драгоцѣнныя и утѣшительныя, которыя будутъ сохранены въ исторіи, и которыя доказываютъ, что Наполеонъ вѣрилъ и повиновался Провидѣнію, которое раздѣляетъ свои дары между извѣстнымъ числомъ людей, чтобъ осчастливить чело-вѣчество, вселенную, и украсить въ-ка.... Оно производитъ героевъ и побѣдителей, вручаетъ имъ вѣтвь побѣды, рѣшаетъ жребій браней, утверждаетъ, ослабляетъ и разрушаетъ царства, и даетъ народамъ правителей. Станемъ удивляться священнымъ добродѣтелямъ Наполеона; онъ заслуживаютъ быть извѣстными во всѣмъ предѣлахъ земли.

II.

РАЗГОВОРЪ НАПОЛЕОНА СЪ Г-ЖЕЮ СТАЛЬ.

Быль балъ у Талейрана. Тутъ быль Наполеонъ. Тутъ была извѣстная писательница Г-жа Сталь. Она не была знакома съ Наполеономъ и просила Г. Арно представить ее Генералу Бонапарте. Наполеонъ не любилъ Г-жу Сталь, зная ея характеръ и вліяніе ея на событія Фруктидора. Арно представилъ Г-жу Сталь Наполеону. Г-жа Сталь начала восторженными комплиментами. Бонапарте отвѣчалъ на нихъ холодно, но учтиво.

— Генераль! сказала она между прочимъ, какая женщина нравится вамъ больше всѣхъ?

— Жена моя, сударыня! — отвѣчалъ Наполеонъ.

— Это очень естественно; но какая

женщина, по вашему мнѣнію, заслуживаетъ наибольшее уваженіе?

— Та, которая занимается своимъ хозяйствомъ,—были слова Бонапарте.

— Я понимаю и это; но скажите, какой женщинѣ вы отдаете первенство? — спросила еще Г-жа Сталь.

— Той, у которой больше дѣтей, сударыня.

Произнеся эти слова, Бонапарте оставилъ Г-жу Сталь посреди толпы, которая развеселилась отъ этой сцены.

Госпожа Сталь была весьма огорчена неудачею и сказала Г-ну Арно:

—Признаюсь вамъ, мнѣ кажется, что вашъ великій человекъ страненъ до смѣшнаго.

III.

РЕЛИГИОСНЫЙ ОТВѢТЪ НАПОЛЕОНА.

Во время войны съ Турками, когда Французы осаждали Каиръ, нѣкоторые

изъ свитскихъ Генераловъ спросили Наполеона: не пойдеть ли онъ на Іерусалимъ? Глубоко религіозно отвѣчалъ имъ Наполеонъ: *Этотъ городъ не входитъ въ операціонную мою линію.*

IV.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ НАПОЛЕОНА.

Трогательная черта человѣколюбія Наполеона проявляется въ слѣдующемъ его поступкѣ.—Послѣ долгой и кровавой битвы при Арколѣ, Наполеонъ, ночью, въ платьѣ простаго офицера, идетъ по своему лагерю; тутъ видитъ онъ часоваго, который, облокотясь на прикладъ ружья, крѣпко спалъ. Онъ кладетъ часоваго тихо на землю, беретъ его ружье и отправляетъ должность его цѣлые два часа, когда пришла уже смѣна. Солдаты просятъ; и — какъ же было велико его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя

безъ ружья и молодаго офицера на часахъ. Это происшествіе испугало солдата чрезвычайно. Но когда онъ всмотрѣлся въ офицера и узналъ въ немъ своего Главнокомандующаго Генерала, то въ отчаяніи вскричалъ: «Наполеонъ! я погибъ!» «Неправда! отвѣчалъ ему Наполеонъ съ кротостью. Не бойся ничего; послѣ такихъ тяжкихъ трудовъ можно позволить уснуть храброму воину, но только впередъ избирай для этого удобнѣйшее и мѣсто и время.»

V.

ВЕЛИКОДУШІЕ НАПОЛЕОНА.

Разсказавъ черту человѣколюбія Наполеона, я присовокуплю еще разсказъ о великодушіи Французскаго Монарха. Одинъ изъ конныхъ стрѣлковъ былъ посланъ изъ Милана съ важными депешами

къ Наполеону, который былъ тогда въ Монтебелло.

Въ то время, какъ стрѣлокъ прѣхаль, Наполеонъ собирался на охоту. Стрѣлокъ подаетъ ему бумаги и ожидаетъ отвѣта. Наполеонъ тутъ же написалъ ему отвѣтъ и сказалъ: «Поѣзжай какъ можно скорѣе!»

— Генераль! отвѣчалъ стрѣлокъ; я радъ ѣхать скорѣе, сколько можно, но у меня нѣтъ лошади: желая прѣхать къ вамъ какъ можно скорѣе, я измучилъ свою и она пала у воротъ вашего дома. «Ну, ежели дѣло только за лошадыю, — сказалъ Наполеонъ, — то возьми мою.» Стрѣлокъ не смѣетъ взять лошади.

— А! она вѣрно кажется тебѣ слишкомъ хорошею и богато одѣтою! Ступай, мой другъ: Французскій солдатъ не долженъ обращать вниманія на великолѣпіе. Стрѣлокъ садится на Наполеонову лошадь и возвращается въ Миланъ, восхи-

щаясь своимъ начальникомъ, который ничего не щадить, чтобъ наградить защитниковъ отечества. Милосердіе и чувствительность—качества душъ твердыхъ и великихъ.

VI.

Духъ самонадѣянности виденъ былъ въ Наполеонѣ еще въ самомъ его дѣтствѣ. Товарищи его шутили однажды надъ нимъ, что Корсика, его отечество, навсегда присоединена къ Франціи. Бонапарте отвѣчалъ: «О! я надѣюсь, что нѣкогда буду въ силахъ подарить мое отечество свободою!»

VII.

Необыкновенное прилежаніе, скорые, умные отвѣты и дальновидность Наполеона неоднократно удивляли учителей и начальниковъ въ школь Бріенской. Инспекторъ, представляя высшему начальству

списки всѣхъ учащихся съ аттестаціею каждаго, отмѣтилъ Бонапарте слѣдующимъ образомъ: «Родомъ и характеромъ Корсиканецъ, молодой человекъ этотъ пойдетъ очень далеко, если только обстоятельства будутъ ему благоприятствовать.»

VIII.

«Разсудокъ мой, сказалъ однажды Наполеонъ, приводитъ меня въ недоумѣніе о многомъ, и всему этому причиною воспитаніе мое. Жаль, что не попеклись обо мнѣ тогда!»—Надобно сказать, что Наполеонъ очень любилъ говорить о Религіи, и говорилъ всегда о семъ предметѣ съ жаромъ, уступалъ въ спорахъ многимъ, но никогда не могъ слышать о матеріализмѣ. Однажды, будучи во дворцѣ Тюллерійскомъ, на мосту, въ прекрасную ночь, вступилъ онъ въ разговоръ съ де-Шеврезъ о Богѣ. Окружающіе его мало по

малу довели этотъ разговоръ до матеріализма; тогда поднялъ онъ руку къ небу, показалъ на звѣзды и сказалъ: «Говорите, что хотите, господа; но разрѣшите мнѣ: кто все это создалъ?»

IX.

Много приводили примѣровъ благотворительности и доброты Наполеона. Вотъ одинъ изъ нихъ, о которомъ, я думаю, никогда не было упомянуто. Однажды, находясь на охотѣ въ лѣсу Кампѣньскомъ, онъ сошелъ съ лошади и прохаживался, будучи сопровождаемъ однимъ только Коленкуромъ. Тутъ встрѣтилъ онъ двухъ угольниковъ, отдыхавшихъ на пнѣ. Они служили во Французской арміи и находились при экспедиціи въ Египтъ. Одинъ изъ нихъ узналъ Наполеона, и тотчасъ всталъ. Коленкуръ приказалъ встать другому. «Нѣтъ!» воз-

разиль Наполеонъ; «развѣ вы не видите, что они устали?» Онъ приказалъ сѣсть стоявшему передъ нимъ угольнику, самъ сѣлъ съ нимъ рядомъ на пень древесномъ, поговорилъ съ ними о Египетской экспедиціи и ихъ собственныхъ дѣлахъ; узнавъ, что одинъ изъ нихъ не получилъ пенсіона при отставкѣ, приказалъ выдавать ему пенсіонъ, и разставаясь съ ними, далъ каждому по 10-ти наполеондоревъ.

X.

На одномъ парадѣ молодой офицеръ подошелъ къ Наполеону и сталъ жаловаться, что онъ, прослуживъ уже пять лѣтъ въ поручичьемъ чинѣ, снова обойденъ при послѣднемъ производствѣ. Наполеонъ отвѣчалъ ему: «Успокойтесь: я семь лѣтъ былъ поручикомъ, а при всемъ томъ успѣлъ выслужиться!» Всѣ предстоявшіе

засмѣялись; а успокоенный сими словами поручикъ сталъ на прежнее мѣсто.

XI.

Когда Бонапарте съ войскомъ своимъ переехалъ изъ Европы въ Египеть, тогда счастливо ускользнулъ онъ отъ Англійскаго Адмирала Нельсона, крейсировавшаго въ Средиземномъ Морѣ; но вскорѣ потомъ Нельсонъ нашелъ флотъ этотъ стоящимъ при Абукирѣ и уничтожилъ его. Послѣ сраженія при Пирамидахъ Наполеонъ возвратился въ Каиръ и здѣсь получилъ увѣдомленіе о истребленіи своего флота. Положеніе арміи его сдѣлалось весьма дурно; но онъ, не теряя присутствія духа, сказалъ окружающимъ его Генераламъ и близъ стоящимъ войскамъ: «Нашъ флотъ погибъ; у насъ не осталось ни одного судна. Такъ и быть!

должно остаться здѣсь, или выйти отсюда такъ, какъ выходили древніе.»

ХІІ.

Когда Наполеонъ былъ въ Парижѣ, не задолго до кампаніи 1812-го года, ему понадобилось имѣть точныя свѣдѣнія о Рагузѣ и объ Иллиріи. Онъ призвалъ Мармона, но не былъ доволенъ его отвѣтами; говорилъ и съ другими Генералами, но все эти разспросы его не удовлетворяли. «Хорошо,» говорилъ онъ; «но еще не совсѣмъ то, что мнѣ нужно: я еще не знаю Рагузъ». Наконецъ онъ призвалъ Генерала Дежана, который занялъ, послѣ Г. Мареско, мѣсто перваго Генераль-Инспектора по инженерной части. «Нѣтъ ли у васъ офицера который бы зналъ хорошо Рагузу?» спросилъ Наполеонъ. Дежанъ подумалъ, и потомъ сказалъ: «Да, В. В., у меня есть баталіонный ко-

мандиръ, челоуѣкъ давно забытый, который весьма хорошо знаетъ Иллирію.» — «Какъ его зовутъ?» — Бернаръ. — «А!... стой! Бернаръ! это имя мнѣ знакомо. Гдѣ онъ теперь?» — «Въ Антверпенѣ, управляетъ крѣпостными работами.» — «Дайте ему знать по телеграфу, чтобы, по полученіи приказа, онъ въ ту жъ минуту садился на лошадь и скакалъ сюда.»

Извѣстно, съ какою быстротою исполнялись повелѣнія Императора. Чрезъ нѣсколько дней баталіонный командиръ Бернаръ былъ уже въ Парижъ у Генерала Дежана, и потомъ въ кабинетъ Императора. Наполеонъ тотчасъ узналъ своего изобрѣтателя плановъ кампаніи, принялъ его очень хорошо и, вмѣсто всѣхъ вопросовъ, сказалъ ему, какъ онъ часто дѣлывалъ и при мнѣ: «Говорили мнѣ о Рагузѣ!» Первый Консулъ говорилъ всегда, что такимъ образомъ онъ скорѣе

можетъ узнать, что тому, кто съ нимъ говоритъ, показалось всего любопытнѣе въ какой нибудь странѣ. Какъ бы то ни было, но онъ остался весьма доволенъ тѣмъ, что Бернаръ рассказывалъ ему объ Иллирии; и когда Бернаръ кончилъ, Наполеонъ сказалъ ему: «Полковникъ Бернаръ! теперь я знаю Рагузу.» После этого Императоръ говорилъ съ нимъ какъ съ другомъ, подробно спрашивалъ о системѣ укрѣпленій въ Антверпенѣ, велѣлъ подать планъ, критиковалъ нѣкоторыя части ихъ, и говорилъ, какъ бы онъ повелъ атаку, если бы ему пришлося осаждать Антверпенъ. Новопожалованный полковникъ такъ хорошо рассказывалъ Императору, какъ бы онъ защищался, если бы на него возложена была оборона этихъ укрѣпленій, что Наполеонъ былъ въ восхищеніи, и оказалъ ему отличіе, кото-

раго онъ ни кому другому не дѣлалъ. Ему надобно было въ это время предсѣдательствовать въ совѣтѣ: онъ велѣлъ полковнику Бернару идти съ нимъ, и во время засѣданія нѣсколько разъ требовалъ его мнѣнія о предметахъ разсужденія. По выходѣ изъ совѣта, Наполеонъ сказалъ ему: Бернаръ, я беру тебя въ адъютанты.» По окончаніи кампаніи, его сдѣлали Бригаднымъ Генераломъ, а вскорѣ потомъ Дивизионнымъ Командиромъ.

ХІІІ.

Мнѣ было тридцать лѣтъ отъ роду, когда я прославился побѣдами, утишилъ бурю, уничтожилъ партіи, смирилъ бунтовщиковъ, образовалъ новое правленіе, новое государство; мнѣ не доставало только титула императора. Первою мыслію моею во время консульства моего было успокоить несчастныхъ Вандейцевъ и заста-

вить ихъ забыть претерпѣнныя ими злоключенія; я далъ другое направленіе чувствамъ народа, перемѣнилъ нравы, возвратилъ эмигрантовъ, призвалъ снова духовенство и уничтожилъ многія постановленія и праздники, которые наносили безчестіе Франціи.

XIV.

Въ сраженіи при Эслингенъ побѣда долго колебалась; Французы и Австрійцы дрались мужественно. Маршалъ Ланъ во время сего сраженія былъ раненъ: непріятельское ядро оторвало ему правую ногу и повредило лѣвую. Едва Наполеонъ узналъ объ этомъ, тотчасъ бросился къ мѣсту, куда перенесенъ былъ раненый. «Ланъ! узнаешь ли ты меня?» спросилъ Наполеонъ Маршала, который страдалъ отъ жестокой боли и уже близокъ былъ къ смерти. «Узнаю, Ваше Ве-

личество и сожалѣю, что вы лишаетесь одного изъ преданнѣйшихъ вамъ друзей: я умираю!»—«О нѣтъ!» живо возразилъ Наполеонъ, между тѣмъ едва скрывая скорбь свою. «Нѣтъ! ты долженъ жить! Неправда ли, Ларей (имя доктора, къ которому Бонапарте обращался съ этими словами), неправда ли, что ты отвѣчаешь мнѣ за жизнь моего любезнаго Лана?»

XV.

«Въ пребываніе мое въ 1807 году въ Тильзитъ», пишетъ Г. Фуксъ, «стоялъ однажды я съ Графомъ Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ предъ кабинетомъ въ Бозѣ почившаго Государя, какъ вдругъ Его Величество вошелъ съ Наполеономъ и представилъ ему Графа. Удивительно, что сдѣлалось вдругъ съ Бонапартомъ: онъ измѣнился въ лицѣ, отскочилъ отъ Платова, и скрылся бѣгомъ въ другую

комнату. Графъ, съ привычнымъ ему равнодушіемъ, шепнулъ мнѣ: «Что пугается онъ меня какъ кабана?» Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ Бонапарте и начинаетъ разговоръ: «*est-ce que le Général est pour la première fois ici? Вѣ первый ли разъ Генераль здѣсь?*»—«Вѣ первый и послѣдній» отвѣчалъ Графъ. «*Comment lui plaisent ces environs? Какъ ему нравятся здѣшнія мѣста?*» — «Мнѣ вездѣ хорошо» опять отвѣчалъ Платовъ. Послѣ такихъ отрывистыхъ отвѣтовъ, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ отошелъ отъ него Наполеонъ. Черезъ часъ, когда Бонапарте сѣлся на лошадь, мы смотрѣли въ окошко съ Матвѣемъ Ивановичемъ, и онъ не спускалъ глазъ съ Наполеона. Стоявшій съ нами Бертье, Герцогъ Невшательскій и Ваграмскій, замѣтивъ это, обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ: «*Le Général fixe attentivement S. M. notre Empereur, Ge-*

нераль смотритъ пристально на Е. В., нашего Императора.» Когда я Графу это перевелъ, то онъ велѣлъ мнѣ ему отвѣчать: «Нѣтъ, я смотрю на коня: долженъ быть Персидской породы». Бертъе понялъ его, и ушелъ.

XVI.

Въ 1800 году, когда Наполеонъ предпринялъ переходъ чрезъ Аппенинскія горы, Генераль Мареско былъ отправленъ для обозрѣнія этихъ непроходимыхъ горъ. Исполнивъ препорученное ему, онъ явился къ Наполеону, который стоялъ въ то время при подошвѣ горы. Генераль представилъ ему всѣ трудности перехода, и особенно описалъ мѣста, гдѣ угрожала гибельная смерть. Бонапарте, слушая это донесеніе, ничего не отвѣчалъ на слова Генерала; только сдѣлалъ одинъ вопросъ: «Можно ли пе-

рейти?—«Да, отвѣчалъ Мареско, это возможно.» — «Ну, такъ пойдѣмъ!»

XVII.

Однажды Наполеонъ, находившись въ покояхъ Императрицы, позабылъ свой платокъ; ему подали платокъ, принадлежащій Императрицѣ, который былъ вышитъ и украшенъ кружевами. Онъ спросилъ даму, подававшую платокъ, дорого ли онъ стоитъ? — «Около восьми-десяти или девяноста франковъ, Государь.» — Онъ заставилъ повторить цѣну въ другой разъ, и потомъ сказалъ: «Ну, если бы я былъ придворною дамою при Императрицѣ, то кралъ у ней каждый день по платку!» — «Ея Величество счастлива тѣмъ, отвѣчала дама, улыбаясь, что имѣетъ при себѣ людей вѣрныхъ и болѣе безкорыстныхъ, нежели

какъ вы предполагать изволите.» Наполеонъ не обидѣлся этимъ отвѣтомъ.

XVIII.

Сынъ Наполеона любилъ смотрѣть на народъ, который прогуливался въ Тюльерійскомъ саду и часто собирался подъ окнами дворца, чтобы видѣть державнаго малютку. Дитя скоро замѣтилъ, что большая часть людей, входившихъ въ замокъ, имѣла въ рукахъ свертки бумагъ; онъ спросилъ у своей надзирательницы, что это значило? Она объяснила ему, что это были несчастные, которые пришли просить объ какой нибудь милости его родителя. Съ этого времени, какъ скоро онъ видѣлъ кого нибудь проходящаго съ бумагою, тотчасъ начиналъ кричать, плакать, пока не приносили ему просьбы, которая всѣ, собранныя въ этотъ день, онъ представлялъ Императору на другой

день во время завтрака. Легко можно себя вообразить, что какъ скоро эта привычка сдѣлалась извѣстна въ народъ, то число просителей примѣтно увеличивалось.

Однажды увидѣлъ онъ подь окошкомъ женщину, одѣтую въ траурное платье, которая вела за руку трехъ или четырехлѣтняго дитятю также въ трауръ. Этотъ малютка держалъ въ рукахъ просьбу, и показывалъ ее изъ дали молодому Наполеону. Сынъ Бонапарте непременно хотѣлъ знать, для чего этотъ бѣдный малютка одѣтъ былъ весь въ черномъ? Гувернантка сказала, что это безъ сомнѣнiя происходило отъ того, что его паненька умеръ. Услышавъ это, ему весьма хотѣлось поговорить съ дитятей. Госпожа Монтекио согласилась на это и приказала, чтобы его привели вмѣстѣ съ матерью. Это была вдова, которой мужъ былъ убитъ на сраженiи. Она находилась безъ всякой

помощи и просила, чтобы ей дали пенсію. Малютка взялъ просьбу и обѣщался доставить ее папенькѣ своему. На другой день, подавая собранныя просьбы, онъ отложилъ эту отдѣльно. «Папенька! вотъ просьба маленькаго мальчика, который очень несчастливъ: у него умеръ папенька. Дай ему пенсію, я тебя прошу объ этомъ.» Наполеонъ взялъ сына своего на руки, обнялъ его съ нежностью и въ тотъ же день приказалъ изготовить бумагу на выдачу назначенной пенсіи. Такимъ-то образомъ малютка, не имѣвшій еще трехъ лѣтъ, умѣлъ уже осушить слезы бѣднаго семейства.

XIX.

Когда Наполеону стали докладывать о бѣдственномъ положеніи его солдатъ послѣ пораженія Французской арміи въ Россіи въ 1812 году, онъ отвѣчалъ: «Сол-

даты?... И, полноте! поговоримте-ка лучше о лошадяхъ.»

XX.

Во время самаго сильнаго огня Маренгскаго сраженія, начальствующій Генеральъ Итальянской арміи Бертье далъ знать первому Консулу, что армія начинала сильно разстроиваться, на что онъ отвѣчалъ: «Генераль! говорите объ этомъ хладнокровнѣе.»

XXI.

На возвратномъ пути съ Маренгской баталіи, Наполеонъ встрѣтилъ великое множество раненыхъ солдатъ. Видя страданіе этихъ храбрыхъ воиновъ, онъ сказалъ: «Жалю, что я не раненъ такъ, какъ они, чтобъ раздѣлять съ ними скорбь ихъ.»

XXII.

При Маренго Французская армія начала ослабѣвать и готовилась уже къ отступленію; но одно присутствіе перваго Консула возвратило ей храбрость. «Дѣти! сказалъ онъ, помните, что я имѣю привычку или побѣдить или остаться на полѣ сраженія.»

XXIII.

При Маренгскомъ сраженіи Бонапарте подъ ужаснымъ огнемъ непріятельской артиллеріи пѣшкомъ устроилъ войско къ сраженію, и обозрѣлъ его потомъ верхомъ. Ему сдѣлали замѣчаніе: удивительно, что никто изъ находившихся при немъ не былъ убитъ. «Они со мной были, отвѣчалъ онъ; мое счастье ихъ охраняло.»

XXIV.

Недостатокъ воды, нестерпимый жаръ, утомительные переходы по палящимъ песчанымъ берегамъ и ужасная жажда совершенно изнурили армію Наполеона, которая пришла 20 Маія въ Тентуру. Будущность не представляла намъ ничего веселаго. Это дѣйствительно ужасное положеніе корпуса, который называли торжествующимъ, произвело на Генерала неминуемое свое дѣйствіе. Едва прибылъ въ Тентуру, онъ велѣлъ раскинуть свою палатку, позвалъ Бурьеня, и продиктовавъ ему съ задумчивостію, весьма естественною въ его положеніи, приказъ, чтобъ всѣ шли пѣшкомъ, а лошадей, лошаковъ и верблюдовъ отдали раненымъ, больнымъ и зараженнымъ, которыхъ армія увела съ собою и которые еще подавали знаки жизни. Приказъ сей-часъ былъ разо-

сланъ. Только что Бурьень возвратился, какъ вошелъ Вигонъ, конюшій главнокомандующаго, приложилъ руку къ шляпѣ и сказалъ: «Генераль! какую лошадь прикажете для васъ оставить?» Въ первую минуту бѣшенства, возбужденнаго этимъ вопросомъ, Генераль сильно ударилъ Вигона хлыстикомъ по лицу, потомъ вскричалъ ужаснымъ голосомъ: «Всѣ пшкомъ, и я первый! Развѣ ты не знаешь приказа?... Вонъ!»

XXV.

Обстоятельства, ничего незначащія, бывають причиною событій важнѣйшихъ. «Если бы Сен-Жан-д'Акръ былъ взятъ, я измѣнилъ бы видъ міра. Судьбы востока въ этомъ мѣстечкѣ.» Такъ говаривалъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, и эта мысль не изъ числа тѣхъ, которыя приходили ему въ голову уже на

островъ св. Елены: онъ часто говаривалъ это и подь Сен-Жан-д'Акромъ. Проекты гигантскія занимали его и на берегахъ Птолемаидскихъ, а на островъ св. Елены, вѣроятно, мучило его сожалѣнiе о томъ, что не удалось привести ихъ въ исполненiе. Слѣды этого проекта сохранились въ письмахъ его къ Клеберу и въ Директорiю. Но мы тотъ-часъ увидимъ, что онъ намѣревался дѣлать въ случаѣ, ежели предпрiятiе противъ Сен-Жан-д'Акра будетъ безуспѣшно.

Вотъ разговоръ Бонапарте съ камердинеромъ его послѣ несчастнаго приступа 8-го Маія, когда былъ раненъ другъ его, Генераль Ланъ. Наполеонъ, сожалѣя о бесполезно пролитой крови столькихъ храбрыхъ, сказалъ ему: «Да, Бурень, я вижу, что это дрянное мѣстечко стоило мнѣ много людей и заняло много

времени. Ежели, какъ я надѣюсь, мы возьмемъ Акръ, я найду тамъ всѣ сокровища наши и оружіе на 300,000 человекъ. Я возмушу и вооружу всю Сирію, которая такъ негодуетъ на жестокость Дезара. Ты знаешь, что при всякомъ приступѣ народъ проситъ Бога о гибели этаго варвара. Пойду на Дамаскъ и Алеппъ. По дорогѣ присоединю къ своему войску всѣхъ недовольныхъ; приду въ Константинополь съ несмѣтною арміею; низвергну Турецкую Имперію; образу на Востокѣ новую и великую Имперію, которая означитъ мѣсто мое въ потомствѣ, и, можетъ быть, возвращусь въ Парижъ чрезъ Андрианополь или Вену, уничтоживъ Австрійскій домъ.» Бурень сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, внушенныя ему такимъ обширнымъ планомъ; Наполеонъ отвѣчалъ: «Да развѣ ты не видишь, что друзья ждутъ только па-

денія Акра, чтобы возмутиться? развѣ ты не знаешь, что мнѣ уже предлагали ключи Дамаска? Я отложилъ до взятія этихъ стѣнъ, потому что теперь мнѣ нечего дѣлать съ этимъ большимъ городомъ. Походомъ, который я намѣренъ сдѣлать, отниму у Египетскихъ беевъ всякое пособіе и удержу за собою это завоеваніе. Главнокомандующимъ я заставляю назначить Дезе. Если же послѣдній приступъ будетъ неудаченъ, то я сей-часъ уйду отсюда: время не терпитъ. Я не поспѣю въ Каиръ прежде половины Іюня. Тогда вѣтры бываютъ благопріятны для переезда съ сѣвера въ Египетъ. Изъ Константинополя пошлютъ войска въ Александрію и Розетту; мнѣ надобно быть тамъ. Арміи, которая придетъ сухимъ путемъ, я на этотъ годъ не боюсь ни сколько. Я разорю все до самой пустыни. Два года не пройдетъ тутъ ни одна

армія. Войску нельзя жить посреди развалинъ.»

XXVI.

Самый лучший отрывокъ краснорѣчія въ дни 18 и 19 брюмера, когда все было замѣчено, былъ слѣдующій:

Во время рѣчи къ старѣйшимъ, Бонапарте сказалъ: «мы спасаемъ республику и вольность!» одинъ голосъ прервалъ его:—кто поручится намъ въ томъ? «Гренадеры!» воскликнулъ Бонапарте, обратясь къ своимъ военнымъ сотоварищамъ. «Скажите, обманывалъ ли я васъ когда нибудь, когда обѣщаль вамъ побѣду?»

XXVII.

Когда Наполеонъ оставилъ осаду Сен-Жан-д'Акра, то находилось великое множество раненыхъ, но мало средствъ къ ихъ перевозу. Онъ уже отъѣзжалъ

съ своимъ штабомъ, когда увѣдомили его о семъ, и онъ тотчасъ сошелъ съ лошади; всѣ, кто былъ съ нимъ, послѣдовали его примѣру: лошади были посланы къ больнымъ, и Бонапарте шель три дня пѣшкомъ по горячимъ пескамъ сей пустыни.

XXVIII.

Нѣкогда говорили Бонапарте о безмѣрныхъ издержкахъ, которыхъ будетъ стоить Тулонская экспедиція. «Я увѣрю васъ,» отвѣтствовалъ Генераль, «что этотъ капиталъ принесетъ по пяти сотъ процентовъ на сто.»

XXIX.

Первая знаменитая побѣда, одержанная Наполеономъ въ Египтѣ, была при Пирамидахъ, въ 1798 году 21 Іюня. Въ то время, когда войска Французскія, бу-

лучи готовы вступить въ бой съ неприятелемъ, гораздо многочисленнѣйшимъ, ожидали на себя сильной атаки, Наполеонъ, выѣхавъ предъ фронтъ, показалъ войскамъ своимъ на стоящія близъ нихъ пирамиды и сказалъ одушевляющимъ голосомъ: «Солдаты! вамъ предстоитъ жестокий бой; но взгляните на эти пирамиды: съ высотъ ихъ цѣлыхъ сорокъ вѣковъ будутъ взирать на вашу храбрость и удивляться вамъ!» Сія краткая рѣчь имѣла сильное дѣйствіе на Французскія войска и побѣда увѣнчала ихъ мужество.

XXX.

Бонапарте былъ еще первымъ Консуломъ, и въ это-то время, прогуливаясь однажды съ Гжею Клермонъ Тоннеръ (нынѣ Г-жа Таларю), которой даръ слова ему очень нравился, вдругъ остановился

и спросилъ ее мрачно: «Скажите мнѣ откровенно, что вы обо мнѣ думаете?» Вопросъ былъ неожиданъ; отвѣчать было трудно. «Генераль — сказала умная дама, помолчавъ нѣсколько — я думаю, что вы походите на искуснаго архитектора, который не хочетъ показать сооруженнаго имъ монумента до тѣхъ поръ, пока не будетъ онъ приведенъ совершенно къ окончанію. Такъ и вы строите зданіе за непроницаемымъ заборомъ, который ломаете тогда, когда постройка будетъ кончена.» — «Такъ, сударыня, такъ!» отвѣчала Бонапарте съ живостію; «вы меня поняли!... Будущее для меня все.»

XXXI.

Бонапарте имѣлъ чрезвычайное отвращеніе къ революціонерамъ и преимущественно къ царубійцамъ; онъ почиталъ за самое тягостное для себя дѣло имѣть

съ ними какое-либо сношеніе, а еще болѣе, когда принужденъ былъ употреблять ихъ въ должности по государству. Когда онъ говорилъ объ нихъ, то говорилъ всегда съ ужасомъ и не называлъ ихъ иначе, какъ убійцами Людовика XVI. Однажды, подойдя къ Камбасересу и взявъ его легонько за ухо, какъ бы желая чрезъ сію ласку смягчить жестокость своихъ словъ, сказалъ: «Добрый мой Камбасересь, я не могу для тебя ничего сдѣлать: тебѣ нѣтъ никакого оправданія. Если когда нибудь возвратятся Бурбоны, ты будешь повѣшенъ!» И это говорилъ онъ Камбасересу еще тогда, когда самъ былъ первымъ Консуломъ.

XXXII.

Одно изъ величайшихъ несчастій Наполеона было то, что онъ не вѣрилъ

дружбѣ и не могъ любить никого. «Дружба есть одно только слово,» часто говаривалъ онъ. «Я не люблю ни кого, ни даже братьевъ моихъ. Правда, Юсифа, можетъ быть, еще я люблю немного; но если и люблю его, то только по одной привычкѣ, потому что онъ старшій братъ.... Дюрокъ!... да, и его люблю, но за что? мнѣ нравится его характеръ: онъ хладнокровенъ, нечувствителенъ, жестокъ и никогда не можетъ плакать.... Что касается до меня, мнѣ все равно: я знаю, что у меня нѣтъ истинныхъ друзей. Пока я буду то, что я есть, я могу ихъ надѣлать множество.... Бурень! знаешь ли, надобно, чтобы однѣ женщины плакали? Это ихъ дѣло; но я... не хочу. Надобно быть тверду, надобно имѣть каменное сердце.... иначе не надобно ни вести войны, ни мѣшаться въ дѣла правленія.»

XXXIII.

«Въ характеръ Французовъ есть то, что они, когда чѣмъ недовольны, любятъ на все жаловаться, и все представлять въ искаженномъ видѣ. Легкомысліе ихъ и вѣтреность столько велики, что ихъ дѣйствительно можно сравнить съ флюгерами, вертящимися по волѣ вѣтра; но какъ всѣ дѣла ихъ и мысли не имѣютъ опредѣленной цѣли, то эти пороки ихъ могутъ быть извинительны.»

XXXIV.

Послѣ счастливо кончанной второй Италіанской кампаніи Наполеонъ жилъ въ своемъ домикѣ въ Шатренской улицѣ, подь № 6. Улица эта съ послѣдствіи времени получила наименованіе улицы Побѣды. Безпрерывныя и повсемѣстныя восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ!

ни мало не измѣняли его скромнаго образа жизни. Побѣдитель и обладатель Италіи находился теперь среди народа, который смотрѣлъ на него, какъ на опаснаго врага равенства. Наполеонъ зналъ это, и по сему случаю сказалъ однажды Бурьеню: «Въ Парижѣ не помнятъ минувшаго: если я останусь въ бездѣйствіи—я погибъ. Въ этомъ Вавилонѣ быстро одно омѣняетъ другое. Три раза видѣли меня въ театрѣ и болѣе смотрѣть уже на меня не будутъ; да я и не буду часто ходить въ оный!» Въ самомъ дѣлѣ, онъ послѣ сего всегда, будучи въ театрѣ, сидѣлъ въ закрытой ложѣ. Управленіе главной оперы хотѣло однажды дать въ честь его особенное представленіе, но онъ рѣшительно отказался.

XXXV.

Однажды Бурьень сказалъ ему, что ему конечно пріятно видѣть согражданъ

его, толпами бѣгущихъ ему на встрѣчу и желающихъ видѣть его.—«Да! отвѣчалъ Бонапарте — народъ точно такъ же бѣжалъ бы передо мною, если бы шель я и на эшафотъ.»

XXXVI.

Графъ д'Артуа при отъѣздѣ былъ сопровождаемъ отрядомъ изъ 18 человекъ драгунъ, подъ командою поручика Морибу. Дворянство, составлявшее большею частию конную гвардію, оставило д'Артуа, исключая одного, который остался вѣренъ этому Принцу, и не оставлялъ его до толъ, пока онъ не былъ въ безопасности.

«Я никогда не оставлялъ безъ награды добраго дѣла»—говорилъ Наполеонъ на островъ св. Елены; — «я наименовалъ этаго подданнаго членомъ и кавалеромъ почетнаго Легіона».

XXXVII.

«Если бы я взялъ Сен-Жанъ-д'Акръ, что и долженъ былъ я сдѣлать, тогда произвелъ бы я революцію на Востокъ. Не рѣдко ничтожныя обстоятельства производятъ великія послѣдствія; такъ случилось бы и со мною: я достигъ бы Константинополя и измѣнилъ бы политику въ цѣломъ мірѣ.»

XXXVIII.

Наполеону было только 14 лѣтъ отъ роду, когда случилось ему быть въ одномъ обществѣ, гдѣ одна извѣстная дама, при общихъ похвалахъ о дѣлахъ Виконта Тюрениа, сказала: «Точно, великій чловѣкъ! Но я болѣе бы его любила, если бы онъ не сжегъ Пфальца.»—«Напротивъ, сударыня,» перебилъ съ живостію Наполеонъ, «онъ имѣлъ бы полное право

сжечь еще болѣе, лишь бы только это содѣйствовало его намѣренію. »

XXXIX.

Узнавъ о смерти Робеспьера, Наполеонъ писалъ къ Генералу Толли слѣдующее: «Ты вѣрно знаешь, что Робеспьеръ умерщвленъ. Мнѣ жаль его; но если бы онъ былъ и отецъ мой, то я первый закололъ бы его, если бы только узналъ, что онъ тиранствуетъ».

XL.

При осадѣ Тулона, гдѣ въ первый разъ открылся воинскій геній Наполеона, онъ управлялъ артиллеріею. Въ одинъ день, когда объѣзжалъ онъ съ Баррасомъ свои батареи, то послѣдній замѣтилъ ему, что положеніе одной изъ оныхъ было неудачно. «Вы, какъ представитель, должны знать только дѣла, до вашей обязанности касающіяся, сказалъ съ жаромъ На-

полеонъ; а мнѣ, какъ артиллеристу, предоставьте знать свои. Эта батарея должна быть тутъ и я отвѣчаю за успѣхъ ея.»

Эта смѣлая увѣренность въ знаніи своего дѣла, оправданная удачною осадой Тулона, доставила Наполеону уваженіе его товарищей, довѣренность начальства и чинъ Генерала, съ которымъ поздравилъ его Баррасъ на самомъ мѣстѣ сраженія.

XLI.

Когда воинскія дарованія Наполеона болѣе и болѣе раскрывались въ Италіи, тогда во многихъ возгорѣлась зависть; къ числу таковыхъ принадлежалъ старшій Генераль Обри. Происками и стараніемъ его, Наполеонъ переименованъ былъ изъ артиллеріи въ пѣхотные Генералы. Это огорчило Наполеона; онъ началъ жаловаться на такую несправедливость. Генераль Обри сказалъ ему при семъ слу-

чаѣ, что онъ еще молодъ и потому долженъ уступить мѣсто свое старшимъ. Наполеонъ отвѣчалъ: «На мѣсть сраженіе можно скоро состарѣться, и я, кажется, довольно успѣваю въ этомъ».

XLII.

Извѣстно, что Наполеонъ любилъ славу, хотѣлъ увѣковѣчить свое имя, и потому на всѣхъ монументахъ, имъ сооруженныхъ, былъ видѣнъ его вензель. Когда Людовикъ XVIII вступилъ въ первый разъ въ Тюльери (въ 1814), то нашелъ, что Наполеонъ былъ хорошимъ хозяиномъ, и оставилъ ему все въ прекрасномъ состояніи. Въ то же самое время льстецы дали ему замѣтить повсюду разсыянные вензелевыя буквы N. t. e. Наполеонъ. Въмѣсто всякаго отвѣта, Король прочелъ имъ вслухъ слѣдующіе два стиха изъ Лафонтена:

Il aurait volontiers écrit sur son chapeau;
C'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau.

XLIII.

«Великая слава есть великій шумъ; чѣмъ болѣе и громче шумъ, тѣмъ далѣе онъ слышенъ. Законы, разныя заведенія, монументы и самыя народы—все исчезаетъ; но звуки славы отражаются въ вѣкахъ позднѣйшаго потомства.»

XLIV.

«Новообразованное правительство должно удивлять и ослѣплять яркимъ блескомъ. Какъ скоро только блескъ начинается тускнеть, тогда оно начинаетъ клониться къ паденію!»

Можно ли было ожидать спокойствія отъ человѣка, такъ мыслящаго?...

XLV.

«Могущество мое тѣсно соединено съ моею славою, а слава съ одержанными мною побѣдами. Могущество мое можетъ

легко рушиться, если не положу ему въ основаніе моей славы и новыхъ побѣдъ. Побѣды и завоеванія сдѣлали то, что я есть; побѣды и завоеванія должны меня поддерживать.»

XLVI.

Въ числѣ многихъ приказаній, отданныхъ Наполеономъ Бурьеню, было слѣдующее: «Прошу тебя, ходи ко мнѣ какъ можно рѣже; не буди меня, когда получишь что нибудь хорошее: при хорошихъ вѣстяхъ время терпѣть; но если что нибудь худое, ради Бога буди меня тотчасъ и во всякое время, потому что тогда дорога каждая минута.»

XLVII.

«Не правда ли, Бурьень — говорилъ однажды Наполеонъ — не правда ли, что я худощавъ теперь? Но я знаю, что въ 40 лѣтъ я буду много ѣсть и потолстѣю.

Я предчувствую, что природа моя изменится совершенно. Правда, я стараюсь какъ можно болѣе имѣть движенія; но воля твоя, я сдѣлаюсь очень толстѣ. Это мое предчувствіе.»

XLIII.

Когда Наполеонъ наименованъ былъ членомъ Института наукъ и художествъ, то написалъ къ Президенту онаго, Памусу, слѣдующее письмо:

«Гражданинъ Президентъ!

«Вниманіе, оказанное мнѣ отличными особами, составляющими общество института, дѣлаетъ мнѣ честь.

«Чувствую, что' прежде, нежели сравняюсь съ ними, я долго долженъ быть ихъ ученикомъ.

«Если бы открылся какой-либо новый способъ изъявить имъ то почтеніе, которое питаю къ нимъ, я бы имъ не преминулъ воспользоваться.

«Истинныя побѣды, не навлекающія никакого сожалѣнiя, суть только тѣ, которыя одерживаются надъ невѣжествомъ.

«Самое почтеннѣйшее и полезнѣйшее для всѣхъ народовъ занятiе, есть образованiе мыслей человѣческихъ.

«Истинное могущество Французской республики должно состоять единственно въ томъ, чтобы не было никакой мысли, не принадлежавшей собственно ей.

БОНАПАРТЕ.»

XLIX.

«Мнѣ въ 1814 году не доставало бодрости; я долженъ былъ непременно слѣдовать моей мысли и идти къ Рейну, усиливать себя всеми новыми гарнизонами и преклонять къ себѣ народъ; тогда бы я имѣлъ сильную армию, Мюрать обратился бы на мою сторону, и онъ съ Вице-королемъ способствовали бы мнѣ.

во взятіи Вѣны, если бы союзники осмѣлились взять Парижъ.»

Е.

«Несчастія также имѣютъ свой героизмъ и свою славу.... Если бы я умеръ на тронѣ, въ блескѣ всей моей славы и могущества, тогда бы я для многихъ былъ загадкой.»

«Теперь, благодаря несчастію, я уже не загадка.»

ЕІ.

Наполеонъ подарилъ Генералу Меласу Турецкою саблю, привезенную изъ Египта. Когда адъютантъ Лакюе поднесъ ему оную, то Меласъ сказалъ ему: «Я съ нетерпѣніемъ желаю мира, которому буду способствовать всѣми моими силами, чтобъ послѣ увидѣть Генерала Бонапарте въ Парижѣ. Я поѣду смотрѣть его, хотя бы онъ былъ въ самомъ Египтѣ.»

ЕП.

При Маренго Французская армія начала ослабѣвать и готовилась уже къ отступленію отъ непріятеля; но одно присутствіе Перваго Консула возбудило опять храбрость ея. «Дѣти! сказалъ онъ имъ, помните, что я имѣю привычку или побѣдить, или остаться на полѣ сраженія!»

ЕП.

Возвращаясь съ Маренгской баталіи, Наполеонъ встрѣтилъ великое множество раненыхъ солдатъ. Видя страданіе этихъ храбрыхъ воиновъ, сказалъ онъ: «Я жалью, что я не раненъ такъ, какъ они, для того, чтобъ раздѣлить съ ними скорбь ихъ.»

ЕIV.

«Одно только тѣло можетъ быть во власти злыхъ, говорилъ Наполеонъ; а душа—

о! душа свободна! Она изъ самыхъ глубочайшихъ подземелій можетъ возвышаться до небесъ.

«Умѣть попорядиться необходимости, есть истинное торжество души и разума.

LV.

«Должно признаться, говорилъ Наполеонъ, чтоя съ молоду былъ очень испорченъ: со времени вступленія моего въ свѣтъ, я всегда начальствовалъ и привыкъ повелѣвать до того, что не хотѣлъ признавать ни начальниковъ надъ собою, ни законовъ.»

LVI.

«Ни событія Вандемьера, ни событія Монтенота, не внушали еще мысли, что я буду играть или долженъ играть въ свѣтъ важную роль.» Такъ однажды говорилъ Наполеонъ. «Но послѣ сраженія при Лоди мысль эта возродилась въ ду-

ль моей; только при Лоди зажглась во мнѣ искра желанія къ верховной власти и надежда уничтожить чудовищное республиканское правленіе.»

ЕVІІ.

Въ сраженіи при Гогенлинденѣ, рѣшившемъ участь двухъ Имперій, наиболѣе отличился Генераль Моро. Наполеонъ, желая почтить талантъ его и храбрость, приготовилъ ему въ подарокъ пару прекрасныхъ пистолетовъ, оправленныхъ въ золото и осыпанныхъ брильянтами. «Я хотѣлъ приказать выгравировать на этихъ пистолетахъ всѣ ваши побѣды, — сказалъ Наполеонъ, отдавая Генералу Моро приготовленный подарокъ, — но не возможно помѣстить ихъ всѣхъ на такомъ маломъ пространствѣ.»

ЕVІІІ.

«Я имѣлъ множество плановъ касательно благосостоянія рода' человеческого.

Меня обвиняли въ непомѣрной вспыльчивости, въ жестокости; но какъ скоро достигалъ я моей цѣли, то все оканчивалось хорошимъ для всѣхъ, и тогда благословенія милліоновъ людей меня ожидали; но судьбы вооружились наконецъ противъ меня.... *O destinée des hommes!... O Sagesse!... O Prévoyance!...* Каковы бы ни были усилія тѣхъ, которые желаютъ помрачить жизнь мою и исказить мой характеръ; но они, которые меня знаютъ, конечно увѣрены, что я отдаленъ отъ злодѣяній. Должно вникнуть въ положеніе мое въ разсужденіи всей Европы.»

LIX.

Когда совершился бракъ Наполеона съ Іозефиною, имѣвшій по мнѣнію многихъ необыкновенное вліяніе на судьбу этого любимца фортуны, и когда, назначенный командовать въ Италію, прибылъ онъ въ Марсель (28 Марта), то рѣшительно

сказалъ членамъ южной комиссіи, отправляющимся въ Парижъ: «Скажите Парижанамъ, что прежде истеченія мѣсяца услышатъ они, что Наполеонъ убитъ, или Австрійцы разбиты».

ЕХ.

При заключеніи Кампо-Формійскаго мира, со стороны Австріи предложено было одною изъ статей то, что Императоръ не признаетъ Французской республики. — «Это солнце на горизонтъ, и тотъ долженъ быть очень слѣпъ, кого не поражаютъ лучи его!» — и статья была уничтожена.

ЕХІ.

«Принцъ Карлъ есть одинъ изъ лучшихъ Австрійскихъ Генераловъ,» — говорилъ Наполеонъ. — «Онъ также дѣлалъ иногда ошибки, но въ сраженіи при Эслингенъ онъ сдѣлалъ столько, сколько едва ли бы кто другой сдѣлалъ.»

LXV.

«Келлерманъ былъ хорошій воинъ, говорилъ Наполеонъ: очень дѣятеленъ, имѣлъ много хорошихъ качествъ; но не имѣлъ способности командовать арміею: въ Италіянскую кампанію онъ дѣлалъ безпрестанныя ошибки.»

LXIII.

«Массена былъ рѣшителенъ, храбръ, предприимчивъ, честолюбивъ и талантами своими далеко превосходилъ Лана; онъ могъ бы быть въ числѣ великихъ людей, если бы не имѣлъ гнусной страсти—скупости.»

LXIV.

Наполеонъ, находившись въ покояхъ Императрицы Маріи-Луизы, позабылъ свой платокъ. Ему подали платокъ, принадлежавшій Императрицѣ, который былъ вышитъ и украшенъ кружевами. Онъ

спросилъ даму, подававшую ему платокъ, дорого ли онъ стоитъ? — «Около 80 или 90 франковъ, Государь!» — Онъ заставилъ повторить цѣну въ другой разъ, потомъ сказалъ: «Ну, еслибъ я былъ придворною дамою при Императрицѣ, то краль бы у ней каждый день по платку!»

LXV.

«Французы!

«Начиная войну для поддержанія народной независимости, я надѣялся на соединеніе всѣхъ усилій, на пособіе всѣхъ властей народныхъ. Надежды мои были основательны, и я смѣло пошелъ противъ непріятелей!

«Обстоятельства измѣнились: я пожертвовалъ собою пользамъ Франціи, которая должна быть мнѣ благодарна. Политическая моя жизнь кончилась. Я объявляю сына моего, подъ именемъ Наполеона втораго, Императоромъ Французовъ.

«Министры должны образовать правительственный совѣтъ и утвердить закономъ регенство.

«Соединитесь всѣ для общей пользы и вашей независимости.

2-го Іюня 1815 года.

Наполеонъ.»

LXVI.

Когда корабль достигъ высоты мыса Гогъ (Hogue), тогда показали Наполеону виднѣвшіеся берега Франціи.—«Прощай! сказалъ онъ голосомъ чрезвычайно разстроганнымъ — прощай земля храбрыхъ! прощай любезная Франція! Будь нѣсколько менѣе въ тебѣ измѣнниковъ, и ты была бы до сихъ поръ великою націею, ты была бы властительницею вселенной!»

Такъ прощался эксъ-Императоръ съ Франціею.

LXVII.

Извѣстно, что по уставамъ Католической церкви, не прежде, какъ по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста дѣти удостоиваются святаго причастія. Наполеону, въ бытность его въ Бріенской школѣ, минуль этотъ срокъ, и тогда, какъ Архіепископъ, совершая священный обрядъ, спросилъ Бонапарте о имени, юноша отвѣчалъ: «Я не знаю этого святаго,» возразилъ Архіепископъ. — «Не мудрено, возразилъ пылко Наполеонъ, этотъ святой изъ Корсики.»

LXVIII.

«Сраженіе при Кастигліонѣ (5 Августа 1796 года) ознаменовало Ожеро имя,» говорилъ Наполеонъ. «Я никогда не забуду его дѣйствій; имя его будетъ прославлено во Франціи и будетъ для ней очень дорого; но измѣна при Лионѣ помрачила славу Ожеро.»

LXIX.

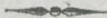
«Участь Моро должна бы была пасть на полъ битвы отъ ядра Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго; но онъ палъ отъ ядра Французскаго. Природа не сотворила его для первыхъ ролей въ мірѣ. Въ кампаніи 1799 года, онъ оказалъ и мужество и искусство, командуя только двумя дивизіями; а сдѣлавшись Главнокомандующимъ, онъ надѣлалъ много ошибокъ. Онъ былъ хорошимъ солдатомъ, гостепріимнымъ, добрымъ человекомъ; но не имѣлъ ни характера, ни системы въ своихъ дѣйствіяхъ.»

Вотъ мнѣніе Наполеона объ Моро.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.**

	Стр.
Очеркъ жизни Наполеона.	10
Религіозное чувство Наполеона.	31
Разговоръ Наполеона съ Г-жею Сталь.	34
Религіозный отвѣтъ Наполеона.	35
Человѣколюбіе Наполеона.	36
Великодушіе Наполеона.	37

P 102
527

АНЕКДОТЫ

НА ПОЛЕОНА,

съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія; поэтическія воззванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы.

Составилъ А. С.

Na died, as erring ma should die,
Without displag—Without parade!

Вуком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Николая Ступицкова.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

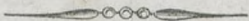
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. Москва. Апрѣля 50 дня 1843 года.

Ценсоръ *Н. Крыловъ.*

Российской
Государственной
библиотека

3010 - 93

ХАРАКТЕРИСТИКА НАПОЛЕОНА.

Искуснѣйшіе живописцы, ваятели и скульпторы употребляли все усилія изобразить на полотнѣ или въ мраморѣ черты лица Наполеона. И въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ художниковъ довольно счастливо изобразили нѣсколько продолговатый черепъ, его возвышенное чело, его блѣдное лице и обыкновенныя черты физіогноміи; но кто въ состояніи былъ изобразить его быстрый взоръ, послуш-

ный малѣйшему движенію его души, который, подобно молніи, ежеминутно измѣнялся, который въ одну секунду выражалъ и гордость и благосклонность, и строгость и благоволеніе, и кротость и жестокость? Невозможное остается невозможнымъ и для самаго генія. Бонапарте имѣлъ столько разныхъ фізіогномій, сколько различныхъ движеній потрясали его душу.

Наполеонъ Бонапарте имѣлъ прекрасныя руки и много занимался ими; часто, въ шутку, заводилъ объ нихъ рѣчь, и находилъ въ томъ удовольствіе. Онъ любилъ также хорошіе зубы. Большое удовольствіе находилъ Наполеонъ видѣть женщинъ съ тонкой таліей, высокаго роста и въ бѣломъ платьѣ; цвѣтныхъ платьевъ онъ не терпѣлъ. Но женщины беременныя производи въ немъ непрі-

ятное чувство; онъ даже не были приглашаемы на балы.

Бонапарте имѣлъ страсть къ ваннамъ; онъ просиживалъ въ оныхъ по два и болѣе часа, заставляя между тѣмъ читать себѣ журналы. Бонапарте спалъ довольно крѣпко; заставлялъ только другихъ бодрствовать. Онъ приказывалъ будить себя въ 7 часовъ утра, и часто, когда будили его, онъ сквозь сонъ говаривалъ: дайте мнѣ уснуть еще минутку! Сонъ его обыкновенно продолжался 7 часовъ въ сутки. Послѣ обѣда онъ любилъ дремать. Когда Бонапарте вставалъ съ постели, то камердинеръ долженъ былъ брить его, между тѣмъ какъ ему читали журналы и преимущественно Нѣмецкіе и Англійскіе. Французскіе журналы онъ не любилъ читать, говоря, что въ нихъ пишутъ только то, что онъ самъ приказываетъ. Туалетъ его продолжался не долго; но притомъ опрятность, Наполеономъ со-

блюдаемая была до утонченности. По окончании туалета, онъ подписывалъ прошенія. Послѣ подобныхъ резолюцій, онъ читалъ открытыя письма; но рѣдко случалось, чтобы онъ самъ отвѣчалъ на оныя, а всегда препоручалъ это Бурьеню. Въ 10 часовъ подавали обыкновенно завтракъ, и почти всегда цыпленка, приправленнаго съ масломъ и лукомъ. Бонапарте пилъ мало вина и не любилъ никакого, кромѣ Бордо и преимущественно Бургонское. Послѣ завтрака и обѣда онъ пилъ чашку хорошаго кофе. Занимаясь важными дѣлами, ино гда за полночь, онъ обыкновенно пилъ чашку крѣпкаго шоколаду. Онъ нюхалъ табакъ, и имѣлъ множество табакерокъ, какъ и другихъ галантерейныхъ вещей.

Когда прогуливался Наполеонъ, ходилъ нѣсколько сторбившись и заложивъ руки на спину. Въ это время можно было примѣтить, что онъ приводилъ въ дви-

женіе правое плечо, поднимая оное нѣсколько къ верху и вмѣстѣ перекашивая нѣсколько ротъ въ право; но это была привычка. Впрочемъ замѣчали, что въ такомъ состояніи онъ обдумывалъ различные планы. Послѣ таковыхъ прогулокъ, обыкновенно садился онъ писать и диктовалъ Бурьеню важныя дипломатическія бумаги.

Наполеонъ былъ неутомимъ въ походахъ и часто ходилъ пѣшкомъ, при которомъ нибудь изъ своихъ полковъ, болѣе пяти часовъ сряду. Остановливаясь лагеремъ, онъ обыкновенно имѣлъ двѣ палатки, изъ коихъ одна составляла кабинетъ, гдѣ онъ по картѣ слѣдилъ за движеніями войскъ своихъ и непріятельскихъ, и которая была убираема съ особеннымъ тщаніемъ. Но карты оставались всегда при немъ у чиновника даже и тогда, когда онъ бывалъ на конѣ.

Бонапарте имѣлъ двѣ главныя суще-

ственные страсти: слава и война; никогда онъ не бывалъ такъ веселъ, какъ въ походъ, и никогда не бывалъ такъ скученъ, какъ въ мирное время. Монументы такъ же занимали его воображеніе; онъ зналъ, что монументы составляютъ одну изъ частей исторіи народовъ, что долгое существованіе можетъ служить явнымъ признакомъ просвѣщенія тѣхъ народовъ, которые жили во времена отдаленныя. Его вензеля, его трофеи и орлы великолѣпно осѣняли монументы его царствованія.

Чувствованія Наполеона къ Франціи были весьма различны отъ тѣхъ, которыя онъ питалъ въ молодыхъ лѣтахъ. Долго не могло изгладиться изъ его памяти то, что Франція завоевала Корсику, которую онъ очень любилъ какъ родину. Но въ послѣдствіи онъ страстно началъ любить и Францію. Мысль сдѣлать ее счастливою державою,

предписывающею другимъ законы, никогда не оставляла его. Бонапарте во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ забывалъ настоящее и видѣлъ одно будущее. При Маренго онъ не столько думалъ о послѣдствіяхъ побѣды, сколько о томъ, что будутъ послѣ сего говорить объ немъ во Франціи.

Предъ каждымъ сраженіемъ Бонапарте мало заботился о томъ, что будетъ онъ дѣлать въ случаѣ успѣха; но думалъ всегда, что будетъ дѣлать въ случаѣ неудачи. Онъ былъ счастливъ и страшенъ, потому что рисковалъ всѣмъ и не жалѣлъ ничего. Гордость влекла Наполеона къ власти, а власть къ бѣльшей гордости. Онъ былъ убѣжденъ болѣе всѣхъ въ истинѣ, что часто малыя и незначущія причины производятъ большія слѣдствія, и на оборотъ; а потому онъ всегда обращалъ вниманіе на слѣдствіе происшествій и пользовался оными. Среди заботъ своихъ

о веденныхъ имъ войнахъ и внутреннемъ устройствѣ правленія, онъ много боялся Бурбоновъ, и страхъ этотъ всегда потрясалъ душу Наполеона.

Бонапарте не любилъ людей, и чѣмъ болѣе узнавалъ ихъ, тѣмъ болѣе презиралъ. Къ сожалѣнію, это несчастное мнѣніе въ немъ дѣлало его жестокимъ; онъ не вѣрилъ совершенно дружбѣ.

Въ общественныхъ отношеніяхъ поступки Наполеона были разочтены. Его выговоры, неудовольствіе, гнѣвъ, и милость — все было приготовлено напередъ, и присутствіе посторонняго свидѣтеля всегда его ободряло: тогда дерзость его переступала предѣлы, и никто тогда не осмѣливался дѣлать ему возраженія. Наполеонъ не любилъ аудіенцій съ глазу на глазъ; каждый разъ, когда онъ ожидалъ Министра или Генерала, кого бы то ни было, то оставлялъ при

себѣ Бурьеня. Во всехъ случаяхъ онъ хотѣлъ имѣть посторонняго свидѣтеля, какъ бы для того, чтобы со временемъ переданы были свѣту его приказанія, рѣшенія, строгость и благоразуміе.

Когда Наполеонъ встрѣчалъ какія нибудь препятствія своимъ намѣреніямъ, или вспоминалъ что нибудь непріятное, начиналъ напѣвать что-то такое, весьма мало похожее на арію; садился къ столу своему опрокинувшись назадъ; брался въ такомъ положеніи за ручку кресель и рѣзалъ оныя перочиннымъ ножикомъ. Это значило, что онъ уже въ досадѣ.

Наполеонъ такъ худо писалъ, что съ трудомъ можно было разбирать написанное имъ. Кромѣ поля битвы, Наполеонъ находилъ еще удовольствіе въ садахъ Мальмезона. Онъ тамъ, такъ сказать, отдыхалъ отъ трудовъ своихъ и мало занимался дѣломъ. Онъ любилъ присут-

ствовать при работахъ, назначенныхъ для украшенія садовъ его. Въ началѣ консульства своего, онъ часто гулялъ и въ окрестностяхъ; но донесенія полиціи о покушеніяхъ на жизнь его, заставили отказаться отъ этихъ прогулокъ.

Наполеонъ имѣлъ всѣ качества любезнаго мужчины, но не имѣлъ воли быть имъ. Онъ не старался привлекать къ себѣ, и отъ того всѣ, которые хорошо его не знали, чувствовали въ присутствіи его какой-то страхъ. Иногда бывалъ онъ разговорчивъ, иногда молчаливъ. Но если Наполеонъ начиналъ какой нибудь рассказъ, то всегда доставлялъ удовольствіе слушающимъ. Впрочемъ, онъ никогда ни касался маловажныхъ предметовъ. Удивительное дѣло, что человекъ съ такимъ умомъ, каковъ былъ Наполеонъ, любилъ рассказывать о привидѣніяхъ и предчувствіяхъ.

На пути Наполеонъ много говорилъ и

даже вступалъ въ споръ, и въ это время часто проговаривался онъ о видахъ своихъ въ будущемъ.

Бонапарте не вѣрилъ медицинѣ; средства этой науки въ глазахъ его были однимъ предположеніемъ. Имѣя обыкновенную силу разума, онъ вѣрилъ истинамъ только доказаннымъ.

Примѣтно было, что Наполеонъ не имѣлъ памяти для именъ собственныхъ, для словъ или часовъ, но удивительно помнилъ все касающееся до военныхъ дѣлъ; съ удивительною точностію онъ всегда описывалъ разныя мѣстоположенія и позиціи всѣхъ баталій.

Бонапарте былъ равнодушенъ къ прелестямъ поэзіи и не имѣлъ совершенно способности читать стихи. Онъ не любилъ игръ, и былъ весьма недоволенъ, если въ собраніи принужденъ былъ быть зрителемъ оныхъ. Напротивъ онъ съ удовольствіемъ встрѣчалъ ученыхъ лю-

дей, и всегда начиналъ съ ними разговоръ.

Наполеонъ не жалѣлъ денегъ на дворъ свой, на монументы и другое тому подобное; но былъ скупъ при выдачѣ слѣдующаго на государственные расходы: въ этомъ случаѣ онъ всегда находилъ отговорки и затрудненія. Всѣхъ чиновниковъ, которые завѣдовали расходами, онъ почиталъ плутами. Чѣмъ меньше кто изъ Министровъ платилъ по расходамъ, тѣмъ болѣе входилъ въ благосклонность.

Между странными привычками, Бонапарте имѣлъ ту, что садился всегда на первый попавшійся ему столъ, правою рукою опираясь на того, съ кѣмъ разговаривалъ, лѣвою обыкновенно качалъ въ воздухъ. Бонапарте, былъ чрезвычайно упрямъ и самолюбивъ. Начиная отъ бездѣлицы и до важнаго дѣла, онъ былъ такъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ, что никогда не перемѣнялъ своего плана.—

Для него отступить отъ своего намѣренія, значить потерять все. Никто и никогда не слыхалъ отъ него, чтобы онъ сказалъ: виноватъ, я ошибся! Любимая его отговорка въ такомъ случаѣ была: «Наконецъ я начинаю чувствовать, что я могу ошибаться.»

Не смотря однако же на это его правило, Бонапарте не считалъ въ себѣ чувства ненависти. Хотя не возможно его оправдать въ нѣкоторыхъ его поступкахъ, которые принуждали его дѣлать зло; однако же должно сказать, что Наполеонъ внѣ круга своей политики былъ чувствителенъ, добръ и сострадателенъ. Онъ очень любилъ дѣтей, а злой чело-вѣкъ едва ли можетъ имѣть такую наклонность.

Наполеона многіе искренно любили и за благодѣянія его и какъ великаго чело-вѣка. Семейство Бертрана и Монтолона, и многіе другіе, не разлучались съ

нимъ и на время его ссылки, и приняли послѣдній вздохъ его. Онъ предвидѣлъ скорый конецъ свой, и сказалъ о томъ его окружавшимъ, которые, по крѣпкому его тѣлосложенію, думали видѣть долголѣтнюю его жизнь. Послѣднія слова на землѣ Наполеона были: tête... armée...

—

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ НА-
ПОЛЕОНА,

—

НАПОЛЕОНЪ.

15 Апрѣля 1821 года. Островъ св. Елены. Лонгвудъ.

Вотъ моя послѣдняя воля:

1.

1) Умираю Римско-Католикомъ, каковыя быль слишкомъ 50 лѣтъ.

2) Хочу, чтобы меня погребли на бе-

регахъ Сены, среди Французскаго народа, которыя я люблю.

3) Оставаясь довольнымъ супругою Марією-Луизою, я умираю съ чувствомъ уваженія къ ней, и прошу имѣть попеченіе о моемъ сынѣ.

4) Заклинаю сына моего, не забывать, что онъ родился Французомъ. Благодарю добрую мать мою, Кардинала, братьевъ моихъ: Іосифа, Люціана, Іероміина, Полину, Каролину, Юлію, Гортензію, Катерину, Евгению, за ихъ ко мнѣ привязанность.

5) Не признаю рукописи св. Елены и другихъ твореній подъ заглавіемъ: *Maximes, sentences*, и пр. вышедшихъ въ теченіи шести лѣтъ. Я не руководствовался такими правилами, какія изложены въ этихъ сочиненіяхъ.

2.

1) Шкатулки мои, ордена и всѣ вещи въ серебрѣ, и все означенное въ спи-

скѣ подѣ литерою А, отказываю сыну моему, завѣщевая хранить оныя въ память ю.

2) Отказываю Леди Голандѣ древнія камни, подаренныя мнѣ въ Толенсино Папою Піемъ VII.

3) Отказываю Графу Монтолону два милліона франковъ, какъ знакъ признательности за преданность его ко мнѣ въ теченіи шести лѣтъ, и потери, понесенныя имъ отъ пребыванія со мною на островѣ св. Елены.

4) Графу Бертрану пять милліоновъ франковъ.

5) Камердинеру моему Маршану 400 тысячи франковъ. Желаю, чтобы онъ взялъ за себя вдову или дочь одного изъ офицеровъ моей старой гвардіи.

6) Другимъ камердинерамъ: Сен-Дени 100 тыс. франковъ, Новеру 100 т. фр., Пьерону 100 т. фр., Карсо и Шанденьеру по 20 т. фр.

7) Аббату Виньяли 100 т. фр.

8) Графамъ Ласказесу и Лавалету по 100 т. фр.

9) Главному Доктору Ларію 100 т. фр: онъ добродѣтельнѣйшій человекъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю.

10) По 100 т. фран. Генераламъ: Браеру, Лешевру, Денуту, Друо, Камброну, Лаллеману, Клоузелю.

11) Таковую же сумму дѣтямъ Генераловъ, каждому: Лабедоэра, Жерара, Монтадувернетъ, Шартрана, Траво.

12) Также по 100 тыс. фр. слѣдующимъ особамъ: Барону Мендивалю, Графу Реалу, Барону Миньену и другимъ.

14) Эти суммы возмутъ изъ шести милліоновъ, отданныхъ мною въ 1815 году банкиру, отъ котораго получаютъ ихъ по счетамъ: Монтолонъ, Бертранъ и Маршанъ.

14) Эти суммы не превышаютъ пяти милліоновъ; остатокъ пусть раздадутъ офицерамъ, раненымъ при Ватерлоо, и

офицерамъ и солдатамъ баталіона острова Эльбы; въ случаѣ же смерти этихъ офицеровъ и солдатъ, пользуются назначенными имъ суммами вдовы ихъ и дѣти.

3.

Всѣ мои владѣнія и доходы съ нихъ, которые должны теперь составлять болѣе двухъ сотъ тысячъ Франковъ; мебели и принадлежности дворцовъ моихъ въ Римѣ, Флоренціи, Туринѣ, остаются собственностію моего семейства. Назначаю моими душеприкащиками Графовъ: Монтолона, Бертрана и Маршана,

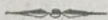
СПИСОКЪ, ПОДЪ ЛИТЕРОЮ А, СЛУЖАЩІЙ ДОПОЛНЕНІЕМЪ КЪ ДУХОВНОМУ ЗАВѢЩАНІЮ НАПОЛЕОНА.

Вазы мои и мое оружіе прошу Г-на Бертрана доставить сыну моему, когда ему минетъ 16 лѣтъ; три ма-

ленькія шкатулки, въ которыхъ хранят-
ся мои табакерки, маленькія подозрныя
трубки, походная постель, Севрскую фар-
форовую посуду, мои охотничьи ружья,
400 томовъ моей бібліотеки, мое бѣлье
и платье, и всѣ прочія вещи, принадле-
жащія мнѣ, прошу также въ цѣлости до-
ставить моему сыну. А все остальное мое
имущество остается собственностію су-
пруги моей и сына.

Такова моя послѣдняя воля.

НАПОЛЕОНЪ.

**ПОСЛѢДНІЙ ПРИКАЗЪ НАПОЛЕОНА ПО
ПОЛУЧЕНІИ ИЗВѢСТІЯ, ЧТО СЕНАТЬ
ЛИШИЛЪ ЕГО КОРОНЫ.**

«Сенать позволилъ себѣ имѣть право
располагать правительствомъ Франціи;
но онъ забылъ, что обязанъ мнѣ всею
своею силою. Сенать думаетъ основаться
на правахъ конституціи къ собственному

ея нарушено и не краснѣетъ предъ Государемъ, которому измѣняетъ явно.

«Но тѣхъ поръ, пока счастье благопріятствовало Императору, Сенаторы были вѣрны и не было ни малѣйшей жалобы на власть Государя.

«И такъ если Императоръ ненавидѣлъ людей, то онъ имѣлъ на это причины справедливыя. Богъ и нація вручили ему бразды правленія, и они одни могутъ его лишить ихъ.

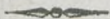
«Теперь, когда счастье измѣнило Императору, Франція можетъ еще оставить его на тронѣ, и тогда онъ заставитъ счастье снова обратиться къ себѣ лицомъ. Но если удаленіе мое необходимо для мира Франціи, то онъ охотно повинуется!»

Но голосъ высокаго дипломата не имѣлъ никакого дѣйствія: присутствіе коронованныхъ союзниковъ въ Парижѣ препятствовало замысламъ честолюбца.

РЕТИРАДА НАПОЛЕОНА ИЗЪ РОССІИ.

Французская армія, прибывъ на берега Березины, потеряла почти все, что составляло ее; и Наполеонъ оставилъ обломки уже этого великаго зданія подъ присмотромъ Короля Неаполитанскаго. Но если самъ Наполеонъ не могъ возстановить порядка въ бѣгущей арміи, то могли сдѣлать это кто либо другой.

ОТЪѢЗДЪ НАПОЛЕОНА НА ОСТРОВЪ ЭЛЬБУ.

20-го Апрѣля новаго стilia Императоръ Наполеонъ, готовый оставить Фонтенбло, въ 12 часу дня вышелъ изъ покоевъ по большой лѣстницѣ, сопровождаемый чиновниками союзныхъ Державъ и офицерами бывшаго его штаба, на дворъ: бѣлая лошадь. Гвардейскіе гренадеры стояли по ту и другую сторону дороги, гдѣ проходилъ боготворимый ими Напо-

леонъ. Когда дошелъ онъ до середины двора, то остановился и приказалъ солдатамъ окружить себя. Гренадеры составили около него тѣсный кругъ. Блѣдно, смущенно было лице его; глаза его были мутны. Но вотъ, послѣ минутнаго молчанія, въ которое онъ, какъ казалось, собиралъ душевныя силы, заговорилъ:

«Офицеры! солдаты! прощайте!... Двадцать лѣтъ водилъ я васъ по пути славы; двадцать лѣтъ служили вы мнѣ честно и вѣрно. Благодарю васъ, друзья мои!

«А хотѣлъ счастья, благополучія для Франціи, — но обстоятельства измѣнились. Цѣлый міръ вооружился противу меня и — я уступаю!

«Большая часть моихъ владѣній отнята; Франція занята чужими войсками; все перемѣнилось; я долженъ уступить.....

«Съ вами, храбрые, вѣрные друзья мои, я могъ еще противустать непріателямъ; но не хочу зажигать войны въ

нѣдрахъ Франціи, которая можетъ продолжаться цѣлые годы.

«Будьте вѣрны новому Королю вашему; будьте покорны начальникамъ; идите всегда по пути чести и славы, гдѣ я былъ всегда съ вами, и не оставляйте отечества вашего страдать подъ гнетомъ несчастій.

«Обо мнѣ не беспокойтесь: я буду жить для того, чтобы передать потомству дѣла наши: я буду писать исторію нашихъ походовъ.

«Офицеры! солдаты! я доволенъ вами! Не могу обнять васъ всѣхъ, обнимаю вашего Генерала! Прощайте, дѣти мои! прощайте, храбрые! Помните обо мнѣ, и я, узнавъ объ этомъ, буду счастливъ!»

Онъ обнялъ Генерала Лефевра-Денуэта.

«Подайте мнѣ орла!»

Ему подали его.

«О любезный орелъ!» продолжалъ На

полеонъ съ чувствомъ, три раза поцѣловавъ орла. «Пусть поцѣлуй этотъ будетъ извѣстенъ потомству!»

Старые Генералы плакали почти навзрыдъ, и умножали тѣмъ величіе и трогательность этой картины. Наполеонъ сѣлъ въ карету съ Бартраномъ и выѣхалъ изъ Фонтенебло.

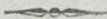
ПОГРЕБЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

Великолѣпны были похороны Французскаго Императора. Наполеонъ былъ погребенъ 9-го Мая въ долину близъ мѣста Hutgate. Онъ полюбилъ это мѣсто съ самаго пріѣзда своего на островъ. Маршалъ Бертранъ жилъ здѣсь; ожидая отстройки для него особеннаго флигеля близъ дома Императора. Наполеонъ часто посѣщалъ Маршала, любилъ отдыхать тутъ подъ деревьями и завѣщалъ похоронить себя на этомъ мѣстѣ. Онъ часто говаривалъ Бертрану: «Если Богу угод-

но, чтобъ я умеръ на этомъ островѣ, то я желалъ бы, чтобы прахъ мой былъ погребенъ на этомъ мѣстѣ.» Желаніе его исполнилось. Погребеніе началось слѣдующимъ образомъ: за гробомъ, который везли въ четыре лошади, шли Бертранъ и Монтолонъ; потомъ два берейтора вели верховую лошадь Наполеона. Графиня Бертранъ съ ея семействомъ и Леди Ловъ съ дочерьми, всѣ въ глубокомъ траурѣ; за ними ѣхали Генераль Сиръ-Гудзонъ-Ловъ, Адмиралъ Англійскаго флота, и всѣ офицеры; гарнизонъ (8000 человекъ) занималъ ближніе холмы, а въ послѣдствіи присоединился къ печальной церемоніи. Когда вся процессія достигла долины, то 24 гренадера взяли на плеча гробъ и, по совершеніи капелланомъ обычной молитвы, опустили его въ могилу; тутъ изъ 41-ти пушекъ произведенъ былъ троекратный залпъ. Подобная церемонія у Англичанъ бываетъ при по-

гребеніи Генерала. Извѣстно, что Британское правительство признавало Наполеона въ этомъ чинѣ. Къ могилѣ была приставлена стража, по требованію Французскаго комиссара, чтобы кому нибудь не вздумалось украсть тѣла Наполеонова. Сердце въ серебряномъ сосудѣ положено въ гробъ.

Такъ кончилъ жизнь свою человекъ, котораго счастье и личное достоинство возвели на высоту величія; но чрезмѣрное честолюбіе унизило его до степени изгнанника, и которому напоследокъ судьба опредѣлила умереть далеко отъ отечества и отъ Европы, гдѣ онъ увѣнчанъ былъ славою и владѣлъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ престоловъ.

В.

Наполеонъ не любилъ распространяться на словахъ; у него не рѣдко одинъ жестъ выражалъ мысль обширную.

Многіе не могли понять, по какой причинѣ оставилъ онъ намѣреніе сдѣлать высадку въ Англію. Зародышемъ перемѣны этого намѣренія было, по моему мнѣнію, слѣдующее приключеніе въ Булони, приключеніе, котораго я былъ очевидцемъ.

Однажды вечеромъ я, вмѣстѣ съ другими офицерами, былъ у Императора; вдругъ входитъ адъютантъ и говоритъ, что поднялась буря и что волны унесли канонерскую шлюбку въ открытое море. Наполеонъ беретъ свою шляпу и, не сказавъ намъ ни слова, быстро выходитъ изъ комнаты, съ гнѣвомъ говоря про себя:

— Еще буря!

Мы последовали за нимъ и вскорѣ всѣ вмѣстѣ пришли на берегъ. Ночь была темная, — вѣтеръ бушевалъ съ необычайною силою; по временамъ слышались крики моряковъ, подававшихъ другъ

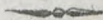
другу голосъ, да пушечные выстрѣлы съ погибающей шлюбки.

—Ребята, на помощь къ товарищамъ! воскликнулъ Императоръ.

Отвѣта не было. Въ это время выглянула изъ-за облаковъ луна. Императоръ, видя, что тѣ, кому слѣдовало бы подать руку помощи погибающимъ, остаются въ нерѣшимости, говоритъ гнѣвно:

—Что? моряки боятся моря! Хорошо жъ, я пошлю за моими гренадерами.

При этихъ словахъ всѣ кинулись въ лодки.

II.

ПИСЬМО НАПОЛЕОНА КЪ ЖОЗЕФИНѢ.

Булонь, 2 Термидора.

«Милостивая Государыня и милая супруга!

«Четыре дня разлуки нашей я провелъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ, и почти

безпрестанно былъ на конѣ; однакожъ здоровье не измѣняетъ мнѣ.

«Г. Мере извѣстилъ меня, что вы намѣрены выѣхать въ понедѣльникъ; совѣтую вамъ не спѣшить въ дорогъ: это избавитъ васъ отъ усталости.

«Въ эту ночь сильный вѣтеръ увлекъ съ рейды кананерскую шлюбку и загналъ въ скалы, находящіяся въ двухъ миляхъ отъ Булони. Я думалъ, что шлюбка и экипажъ ея погибнутъ, но и то и другое было спасено. Сцена была необыкновенная: пушечные выстрѣлы съ погибающей шлюбки; берегъ покрытый огнями, ревъ моря.... Цѣлая ночь была проведена между страхомъ за жизнь этихъ несчастныхъ и надеждою спасти ихъ; вѣчность, океанъ и ночь — вотъ что занимало тогда душу. Въ пять часовъ утра все успокоилось, все было спасено; ложась въ постель, я былъ погруженъ въ какія-то

странныя мечтанія; но, утомленный, уснулъ скоро.

«Весь вашъ,
«Наполеонъ Бонапарте.»

III.

Однажды Императоръ, дѣлая рекогносцировку, замѣчаетъ вдали что-то необыкновенное.

— Скачите, говоритъ онъ пажу, который былъ ближе къ нему другихъ своихъ товарищей, узнайте, что это такое, и возвратитесь скорѣе: я буду ждать васъ на этомъ мѣстѣ.

Пажъ даетъ шпоры своей лошади и торопитъ ее такъ, что она спотыкается и падаетъ. Это было въ началѣ Апрѣля; съ вечера шелъ большой дождь; земля была очень скользка. Императоръ ахнулъ отъ испуга; но увидѣвъ, что пажъ снова пустился скакать, вскричалъ: «Этакой чертёнокъ! другой переломалъ бы себѣ

руки и ноги, а онъ уцѣмелъ, какъ эластическій мячикъ.»

Надобно знать, что ахъ! это всегдашнее восклицаніе Императора, имѣло у него множество значеній; услышавъ это ахъ! можно было тотчасъ догадаться, пріятно или непріятно Императору то, что передъ его глазами; радуеть его или огорчаетъ извѣстіе, имъ полученное; доволенъ онъ или нѣтъ рѣчью, которую говорятъ ему.

Пажъ воротился очень скоро; лице, руки и грудь его были такъ выпачканы грязью, что нельзя было узнать ни его самага, ни его мундира. Онъ отдаетъ отчетъ въ своей повѣздкѣ. Наполеонъ принялъ за отрядъ козаковъ группу деревьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Императоръ, досадуя на свою ошибку, тотчасъ перемѣняетъ разговоръ.

— Какъ вы осмѣлились явиться ко

инѣ въ такой грязи? говоритъ онъ, стараясь скрыть улыбку.

— Государь, отвѣчаетъ молодой человекъ, чтобы лучше исполнить приказаніе Вашего Величества, я далъ шпоры лошади, она спотыкнулась и

— И—patatraz! восклицаетъ Наполеонъ; вы растянулись. Не правда ли, и въ этомъ виновата лошадь?

— Государь, смѣю увѣрить Ваше Величество, что на этотъ разъ я не виноватъ.

— Я ждалъ, что вы будете оправдываться. Нѣтъ, сударь, виноваты вы, а не лошадь, потому что я не приказывалъ вамъ скакать сломя голову.

Императоръ засмѣялся.

— Это пройдетъ, присовокупилъ онъ благосклонно. Поди, отдохни; а завтра ты и я забудемъ про все.

Пажъ приказалъ пустить себѣ кровь и пролежалъ нѣсколько дней въ постель. Отпуская его послѣ этого паденія, Импе-

раторъ покачалъ головою и съ чувствомъ сказалъ Князю Невшательскому:

— Какъ больно ушибся—этотъ мальчикъ! Рисковать жизнью для того, чтобы скорѣе исполнить мои приказанія!... Всѣ они таковы! Однакожъ я хорошо сдѣлалъ, что не разжалобился: не должно портить этихъ молодцовъ!

— Бѣдныя дѣти! присовокушилъ онъ трепещущимъ голосомъ.

IV.

На одномъ изъ церемоніальныхъ маршей, заслуженный капитанъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ времени революціи, не получивши ордена, подходитъ къ Наполеону и требуетъ креста, какъ бы съ упрекомъ.

— Государь, я имѣю на него право; я желаю и долженъ получить его теперь!

— Не горячитесь, капитанъ: я разсмотрю ваши права.

— Государь, вы можете видѣть ихъ теперь же, вотъ они!

Капитанъ открываетъ грудь свою: она была покрыта ранами.

— Ваши права очень достаточны! сказалъ Наполеонъ, стараясь не показать, какъ онъ былъ разстроганъ. Князь Невшательскій, прикажите сей же часъ дать этому офицеру патентъ на орденъ почетнаго легіона.

Часъ спустя послѣ этой сцены, старый капитанъ получаетъ отъ Бертье приглашеніе къ обѣду. Старикъ спѣшитъ явиться на зовъ. Садятся за столъ; капитана помѣстили по правую руку отъ начальника главнаго штаба. Развертывая салфетку, капитанъ роняетъ что-то: это — патентъ его на орденъ почетнаго легіона.

V.

Наполеонъ не слишкомъ уважалъ обыкновенную храбрость; онъ считалъ ее

своимъ, общимъ всѣмъ Французамъ: только одна геройская неустрашимость имѣла въ глазахъ его цѣну. Онъ все готовъ былъ простить челоуѣку неустрашимому.

Когда на смотру или наудіенціи какой нибудь военный просилъ о своихъ надобностяхъ, Наполеонъ всегда спрашивалъ его, раненъ ли онъ? Рана въ глазахъ Наполеона была вещь важная. Онъ говаривалъ, что каждая рана стоитъ цѣлаго рода благородныхъ предковъ.

Стоя передъ фронтомъ полка, Наполеонъ иногда спрашивалъ у полковника, кто изъ офицеровъ его самый неустрашимый, и вопросъ не долго оставался безъ отвѣта. Послѣ этого Наполеонъ обращался къ офицерамъ полка и снова спрашивалъ:

— Кто изъ васъ, господа, всѣхъ храбрѣе?

— Государь—такой-то.

Два эти отвѣта всегда были сходны между собою.

— Такой-то, говорилъ тогда Наполеонъ, я жалуя васъ въ Бароны? Я награждаю въ лицѣ вашемъ не только ваше личное мужество, но и мужество всего корпуса, въ которомъ вы служите. Милостию этой вы обязаны уваженію вашихъ товарищей столько же, какъ и мнѣ самому.

Послѣ этого онъ подзываетъ къ себѣ ново пожалованнаго и присовокупляетъ, простирая къ нему объятія и возвышая голосъ:

— Баронъ такой-то? обоймите вашего Императора!

И въ слѣдъ за этимъ обнималъ его.

Таковъ же былъ и въ отношеніи къ солдатамъ, отличившимся храбростью и поведеніемъ. Заслуженные воины награ-

ждались чинами, или получали изъ собственныхъ суммъ его денежныя награды и пенсіоны, если только имѣли раны.

VI.

Въ 1807 году, послѣ сраженія при Эйлау, Наполеонъ назначилъ пенсіонъ въ 600 Франковъ одному молодому солдату, который врубился въ эскадронъ Русскихъ кирасиръ и вынесъ изъ него на плечахъ своего командира, смертельно раненаго, вынесъ, защищая его своею саблею.

— Онъ защищалъ его какъ отца! сказала Наполеонъ, рассказывая объ этомъ подвигѣ.

VII.

Однажды на разводѣ былъ одинъ иностранный полкъ, состоявшій въ службѣ Наполеона, полкъ, который прибылъ въ Парижъ и вскорѣ долженъ былъ отпра-

виться по своимъ квартирамъ. Наполеонъ остался очень доволенъ отличною выправкой людей этого полка, благодарилъ полковника, и — потомъ, обратясь къ самому младшему изъ своихъ ординарцовъ, сказалъ ему: «Г. Сальмъ, эти молодцы должны знать васъ; подойдите къ нимъ и скажите къ заряду въ двѣнадцать темповъ» Князь покраснѣлъ какъ молодая дѣвушка, однакожь не смутился, вышелъ изъ группы офицеровъ, въ которой стоялъ, вынулъ шпагу и исполнилъ приказаніе Наполеона превосходно.

VIII.

Вскорѣ послѣ этого случилось происшествіе въ томъ же родѣ, но весьма любопытное по своимъ подробностямъ.

Это случилось на одномъ изъ тѣхъ смотровъ гвардіи, которые Наполеонъ дѣлалъ на дворѣ Тюльерійскаго дворца

въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, послѣ обѣдни. На этотъ разъ на смотръ назначены были и воспитанники Сень-Сирской школы. Между этими молодыми людьми Наполеонъ замѣтилъ одного сержанта, имѣвшаго не больше 17 или 18 лѣтъ отъ роду, но примѣчательнаго по своей отличной выправкѣ и смѣлой физиономіи. Наполеонъ любилъ угадывать будущія способности своихъ офицеровъ: онъ подзываетъ къ себѣ молодаго сержанта, спрашиваетъ о чемъ-то и приказываетъ ему командовать ружейные приемы и марши полка гвардейскихъ гренадеръ, выстроеннаго въ боевой порядокъ.

При этомъ должно припомнить, что Сень-Сирская школа всегда отличалась удивительною точностію въ экзерциціяхъ, между тѣмъ какъ старая гвардія, болѣе занятая воспоминаніемъ побѣдъ своихъ, чѣмъ ученіемъ, не слишкомъ заботилась объ этой точности.

Нашъ сержантъ становится въ тридцати шагахъ передъ центромъ этого полка и смѣло командуетъ:

— Смирно!... на плечо!...

Полкъ дѣлаетъ на плечо; но дѣлаетъ вяло, неловко.

— Не такъ! вскричалъ молодой человекъ съ гнѣвомъ. Еще разъ!

Наполеонъ улыбается; усачамъ это кажется забавнымъ; воспитанникъ Сенъ-Сирской школы начинаетъ снова:

— Смирно!... на плечо!...

Исполненіе было и на этотъ разъ дурно.

— Corbleu! опять не такъ!

Сержантъ отходить отъ полка нѣсколько далѣе, чтобы удобнѣе окинуть его глазами, и говорить:

— Смотрите, вотъ какъ это дѣлается: разъ, два, три, живо!

И въ тоже время прекрасно дѣлаеть этотъ пріемъ.

Наполеонъ смѣется, но гренадеры начинаютъ сердиться; сержантъ командуетъ въ третій разъ:

— Смирно!... Croisez.... yette!

Полкъ повинуется снова, и—снова неудачно.

— Да это вовсе не то! закричалъ молодой сержантъ, ударивъ прикладомъ ружья въ землю. Это гадко! вы ничего не смыслите! вы неучи!

При словѣ неучи въ рядахъ раздаётся ропоть; восклицанія: *rekin, blanc-vec!*... Наполеонъ слышалъ ихъ; онъ приближается... все умолкаетъ. Онъ подходитъ къ сержанту, требуетъ у него ружье, потомъ становится между полкомъ и строемъ воспитанниковъ Сенъ-Сирскихъ, фронтъ которыхъ былъ обращенъ къ этому полку, и командуетъ ружейные пріемы воспитанникамъ.

Школа дѣлаетъ ихъ отлично. Наполеонъ, предполагая, что гнѣвъ усачей его остылъ, оборачивается къ нимъ, указываетъ на воспитанниковъ Сень-Сирскихъ и говоритъ: «Что дѣлать, дѣти! должно признаться, что они знаютъ свое дѣло!» Потомъ онъ подходитъ къ молодому сержанту и, возвращая ему ружье, при-совокупляетъ съ важностію и притомъ такъ, чтобы всѣ слышали: «Однакожь, сударь, мы получше васъ дѣлали, когда были молоды!»

Эти слова восхитили старыхъ гренадеровъ, и восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ! раздались со всѣхъ сторонъ.

IX.

Въ одно утро, дѣлая, передъ парадомъ, смотръ второму баталіону гвардейскихъ дѣшихъ егерей, бывшему въ тотъ день въ караулъ, онъ остановился передъ однимъ солдатомъ, осмотрѣлъ его

съ головы до ногъ и сказалъ съ упрямомъ:

— Ромёвъ, почему не вижу я на тебѣ креста, который я далъ тебѣ въ Булони?

Наполеонъ зналъ по имени почти всѣхъ солдатъ старой гвардіи.

— Mon Empereur, отвѣчаетъ егеръ, крестъ у меня на кожѣ. Цесарецъ схватилъ его пониже груди на четверо. Вы знаете, это было подъ Эслингеномъ, гдѣ съ васъ свалилась шляпа наземь; я берегу лоскуточки ея и покажу ихъ вамъ.

Въ слѣдъ за этимъ Ромёвъ вынимаетъ изъ-подъ мундира небольшой пакетъ и подаетъ его Наполеону.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Наполеонъ, развернувъ этотъ пакетъ, я помняюсь съ тобою: согласенъ ли ты?

Солдатъ наморщился и не отвѣчалъ ни слова. Наполеонъ продолжалъ:

— Я предлагаю тебѣ мой крестъ за обломки твоего?

Егеръ все еще молчить.

— Развѣ эта перемѣна тебѣ не нравится?... Да отвѣчай же!

— Я согласенъ помѣняться съ вами, mon Empereur, отвѣчаетъ наконецъ егеръ нерѣшительно, если вы этого желаете; только прошу васъ не потерять обломочковъ моего креста,

— Такъ эта дрянъ дорога тебѣ? возразилъ Наполеонъ съ притворнымъ презрѣніемъ и подбрасывая на бумагу обломки креста Ромёфа. При словѣ дрянъ Ромёфъ выходитъ изъ себя, гордо приподнимаетъ голову и, кусая себѣ губы, говорить:

— Дрянъ!... Извините, mon Empereur; но безъ дряни плохо было бы Франциску Ромёфу. Пожалуйста обломки моего креста: я ихъ спаяю.

— Ну, если тебѣ дорогъ твой крестъ, на, возьми его, а вмѣстѣ и мой. Такому молодцу, какъ ты, можно имѣть два креста...

Императоръ потерябилъ его за усы и вышелъ вонъ, говоря:

— Ромѣфъ мой старинный пріятель, господа! Послѣ перваго нашего свиданія прошло много лѣтъ; только онъ щекоотливъ немножко.

Х.

Осада Тулона ввѣрена была Наполеону, когда онъ еще былъ маіоромъ. Въ одинъ день объѣзжалъ онъ съ Баррасомъ, который былъ тогда одинъ изъ первыхъ народныхъ представителей, построенныя для осады батареи, и когда Баррасъ замѣтилъ ему, что одна изъ батарей была не на мѣстѣ, тогда Наполеонъ возразилъ съ живостію: «Вы народный представитель и должны знать

только дѣла свои; а я, какъ артиллеристъ, знаю мои. Эта батарея останется тутъ и за успѣхъ ея отвѣчаю я головою своею.»

XI.

Наполеонъ, отличившійся въ началѣ Итальянской кампаніи, не только что возбудилъ зависть въ старыхъ Генералахъ, но даже устрашилъ своими успѣхами и директорію. Послѣ побѣдъ при Тулонѣ и Дель-Каиро, старый Генераль Обри, самъ нѣкогда служившій въ артиллеріи, а теперь будучи представителемъ народнымъ, предложилъ Наполеону чинъ Генераль-Лейтенанта съ переводеніемъ его въ линейные Генералы, и когда Бонапарте отказывался; то Обри сказалъ ему: «Вы очень молоды, надобно дать мѣсто тѣмъ, которые васъ постарѣ!» Наполеонъ отвѣчалъ: «На полѣ сраженія очень скоро старѣются, и во мнѣ вы увидите тому примѣръ.»

XII.

При взятіи Тулона 1793 года 19-го Декабря, въ первый разъ открылись военныя способности Наполеона. Онъ командовалъ осадою, и тогда какъ никто не думалъ взять этотъ городъ, онъ одинъ видѣлъ счастливое окончаніе этой осады и такъ былъ увѣренъ въ исполненіи своихъ предположеній, что, замѣтивъ чрезвычайную усталость прѣстарѣлаго Генерала Дюгомье (Dugommier), сказалъ ему: «Вы устали, Генераль; успокойтесь, мы сей-часъ возьмемъ Тулонъ и въ немъ вы можете отдыхать сколько вамъ угодно.»

XIII.

На пятнадцатомъ году отъ рожденія случилось быть Наполеону въ одномъ обществѣ. Всеобщія похвалы, разсыпавшія всѣми объ извѣстномъ Маршалѣ Тюренѣ, обратили вниманіе молодого юноши;

онъ, казалось, глоталъ каждое слово, и когда одна изъ присутствующихъ тутъ дамъ сказала: »Да, это великій человекъ; но я больше бы его любила, если бы онъ не сжегъ Пфальца!» — Тогда возразилъ Наполеонъ съ живостію: «О, сударыня! онъ былъ бы вправъ сжечь два Пфальца, если бы это послужило къ исполненію предначертаннаго имъ плана.»

XIV.

Извѣстно, что по уставамъ католической церкви не прежде, какъ по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста, дѣти удостоиваются Святаго Причащенія. Наполеону, въ бытность его въ Бріенской школѣ, минулъ сей срокъ, и тогда, когда Архіепископъ, совершая священнѣйшій обрядъ, спросилъ Бонапарте о имени, юноша отвѣчалъ, что его зовутъ Наполеономъ.— «Я не знаю такого святаго», воз-

разиль Архіепископъ.— «Не мудрено, отвѣчалъ пылко Наполеонъ, этотъ святой изъ Корсики.»

XV.

Предъ началомъ Австрійской войны, въ Стразбургъ Наполеонъ спрашивалъ Мореско, главнаго начальника корпуса инженеровъ, въ которомъ было много молодыхъ людей съ отличными дарованіями, нѣтъ ли у него офицера, на котораго бы можно было возложить трудное порученіе. Нуженъ былъ молодой человекъ храбрый, благоразумный, знающій произвести развѣдку какъ можно далѣе. Офицеръ, избранный господиномъ Мореско, былъ простой инженерный капитанъ Бернаръ, бывшій воспитанникъ политехнической школы. Онъ отправился по своему назначенію, и никто не обратилъ на него большаго вниманія; онъ добрался почти до самой Вѣны, и

возвратился въ главную квартиру Императора во время капитуляціи Ульма. Бонапарте захотѣлъ самъ разспросить его, и былъ весьма доволенъ его отвѣтами. Не довольствуясь словеснымъ объясненіемъ съ Наполеономъ, капитанъ Бернаръ составилъ донесеніе, въ которомъ описалъ все, что замѣтилъ, и дороги, по которымъ надобно слѣдовать. Онъ говорилъ, между прочимъ, что всего лучше идти прямо на Вьну, оставивъ крѣпости; что, овладѣвъ столицею, Императоръ можетъ повелѣвать всею Австріею. Императоръ, прочитавъ этотъ рапортъ, взбѣсился ужаснѣйшимъ образомъ. «Какъ! вскричалъ онъ; ты слишкомъ смѣлъ! слишкомъ дерзокъ! Простой офицеришка вздумалъ учить меня вести войну! Поди и жди моихъ приказаній.» Когда офицеръ вышелъ, Императоръ перемѣнилъ тонъ. «Вотъ, сказалъ онъ, молодой человекъ съ дарованіями: онъ разсуждаетъ хорошо; я

не хочу подвергать его пулямъ; онъ мнѣ впередъ понадобится. Бертъе! отправь его въ Иллирію.»

Приказъ былъ отданъ, и капитанъ Бернаръ, пылкій, какъ и всѣ его товарищи, при началѣ кампаніи лишень былъ участія въ оной, и почель наказаніемъ то, что Императоръ сдѣлалъ по разсчету и изъ предосторожности, чтобы сохранить себѣ молодаго человѣка, котораго онъ оцѣнилъ съ перваго взгляда. По окончаніи кампаніи, Императоръ повысилъ всѣхъ офицеровъ, въ ней отличившихся; но имени капитана Бернара, котораго почли въ немилости, не было въ списокѣ Бертъе въ числѣ инженерныхъ капитановъ, представляемыхъ въ баталіонные командиры: Императоръ самъ написалъ имя Бернара выше именъ всѣхъ другихъ офицеровъ.

Не видавши ни когда дѣтей, Императрица не осмѣливалась ни брать сына своего къ себѣ на руки, ни ласкать: столько-то боялась она причинить ему вреда; такимъ образомъ, разумѣется, онъ былъ болѣе привязанъ къ воспитательницѣ, нежели къ матери, что даже огорчало нѣсколько Марію-Луизу. Напротивъ того Наполеонъ бралъ его всегда на руки, передразнивалъ его, подносилъ къ зеркалу и дѣлалъ ему разныя гримасы. Когда онъ завтракалъ, то всегда сажалъ малютку къ себѣ на колѣни, и, обмочивъ палецъ въ кушанье, мазалъ онымъ ему губы, или вымарывалъ лице. Надзирательница бранилась. Наполеонъ смѣялся, и дитя, бывшее всегда почти въ веселомъ нравѣ, съ большимъ удовольствіемъ принимало всякой разъ лаки и шутки своего отца.

XVII.

Въ извѣстномъ сраженіи при Люценѣ, Наполеонъ былъ также въ сильномъ огнѣ. Идя съ пѣхотою противъ батарей, онъ вдругъ встрѣченъ былъ сильнымъ залпомъ; картечи какъ градъ посыпались по колоннамъ; войско поколебалось.—«Это ничего, дѣти!»—кричалъ Императоръ, удерживая свою лошадь наравнѣ съ переднею ширинкою.—«Стойте крѣпче! отечество на васъ смотритъ; умѣйте умереть за него!... Кто не боится смерти, тотъ посылаетъ ее въ ряды непріятельскіе.»

XVIII.

Въ Бауценскомъ сраженіи ядро, пущенное союзниками, убило Генерала Инженеровъ Кирженера и Маршала Дюрока. Наполеонъ, получа о семъ извѣстіе, съ

прискорбіємъ вскричалъ: Ничто не вѣчно здѣсь!» Потомъ тотчасъ поскакалъ къ умирающему: «Дюрокъ» сказалъ онъ: «есть другая жизнь; тамъ подождешь ты меня, и мы увидимся.» Можно ли думать послѣ этого, чтобъ Наполеонъ былъ, какъ говорили другіе, атеистомъ?

XIX.

Въ концѣ 1811 года, въ то время, когда Императоръ располагался уже ввести войну въ Россію, Кардиналь Фешъ убѣждалъ его оставить эти замыслы, и говорилъ ему, руководствуясь своими правилами, что война эта весьма опасна, и что онъ страшится послѣдствій. Тогда Императоръ, взявъ Кардинала за руку, подвелъ его къ окну и сказалъ ему:—«Видѣте ли вы вотъ эту звѣзду?»—Ильгъ Государь.—«Смотрите хорошенко.»

—Государь, я не вижу ее. — «А я такъ вижу ее хорошо.» И Наполеонъ вышелъ.

XX.

Императоръ никогда во время сраженія не щадилъ своей жизни. Солдаты удивлялись, какъ онъ могъ остаться живъ послѣ тѣхъ опасностей, которымъ подвергался столь часто. Однажды, во время сраженія при Монтеро, услышалъ онъ такое сужденіе своихъ воиновъ. — «Не бойтесь, сказалъ онъ имъ, не бойтесь, друзья мои: пуля, которая должна убить меня, еще не вылита!» Солдаты пересказывали это другъ другу и вѣрили, что Государь ихъ никогда убить не будетъ.

XXI.

Военная исторія говоритъ намъ о необыкновенно-храброй защитѣ города

Яффы, въ Египтъ; впрочемъ, не смотря на это усиліе, городъ былъ взятъ штурмомъ 6-го Марта и отданъ на разграбленіе солдатамъ. Убійство было ужасное. Генеральъ Бонапарте послалъ своихъ Адыютантовъ Богарне и Кроазье, чтобы утишить, сколько можно, ярость солдатъ, посмотрѣть, что дѣлается и донести ему. Они узнали, что большая часть гарнизона засѣла въ обширномъ зданіи, — нѣкотораго рода караванъ-сераъ, — состоявшемъ изъ большого двора, окруженнаго строеніями. Они вошли туда съ шарфами на рукахъ. Эти несчастные, избавившіеся отъ убійства, почти всѣ Арнауты и Албанцы, закричали изъ оконъ, что они согласны сдаться, если имъ оставятъ жизнь и избавятъ отъ убійства, происходящаго въ городѣ, и что если имъ этого не обѣщаютъ, то они станучь стрѣлять въ Адыютантовъ и будутъ защищаться до послѣдней кап-

ли крови. Офицеры согласились на это и привели ихъ въ лагерь двумя отрядами, изъ которыхъ въ одномъ было двѣ тысячи съ половиною, а въ другомъ около полуторы тысячи человекъ.

Я гулялъ съ Генераломъ Бонапарте предъ его палаткою, когда эта толпа приблизилась къ лагерю, и еще не видавшись со своими Адыютантами, онъ сказалъ мнѣ съ великою горестію: «Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? Чѣмъ мнѣ ихъ кормить? Гдѣ у меня корабли, на которыхъ бы я могъ перевезти ихъ въ Египетъ, или во Францію? Что они со мною надѣлали!» Когда Евгенийъ и Кроазье пришли, Главнокомандующій потребовалъ отъ нихъ отчета, принялъ ихъ сухо и сдѣлалъ жестокій выговоръ за ихъ поведеніе. Но зло уже было сдѣлано: четыре тысячи человекъ были тутъ. Надобно было рѣшить судьбу ихъ. Адыютанты говорили, что они одни были

среди множества неприятелей, и что самъ Генераль приказаль имъ остановить убійство. «Да, конечно» отвѣчалъ Главнокомандующій съ силою: «убійство женщинъ, дѣтей, стариковъ, мирныхъ жителей, а не солдатъ вооруженныхъ; должно было умереть, а не приводить мнѣ этихъ несчастныхъ. Что мнѣ съ ними дѣлать? а! скажите?» Эти слова онъ произнесъ строго.

Пленныхъ посадили кой какъ передъ палатками. Руки ихъ были связаны веревками. Мракъ покрываль ихъ лица. Имъ предложили сухарей и хлѣба, который былъ взятъ изъ запасовъ арміи.

Наступилъ третій день, и не было средствъ спасти этихъ жалкихъ пленниковъ. Ропотъ въ лагерь становился сильнѣе; зло болѣе и болѣе увеличивалось; избавиться отъ этого зла не находили средствъ. Опасность казалась неизбежною. Приказъ, чтобы разстрѣлять плѣнныхъ, былъ отданъ, и — исполненъ.

10 Марта. Толковали, что Египтяне были отдѣлены отъ другихъ плѣнныхъ. Это кажется несправедливо, потому что Египтянъ въ числѣ плѣнныхъ и не было.

XXII.

Слово, которое сказалъ Римскій полководецъ къ рыбакамъ, во время жестокой бури, слѣдующее: «Не бѣйтесь! говорилъ онъ: съ вами Цезарь и его счастье.» Это было сказано въ присутствіи Наполеона, который самъ могъ равняться съ Цесаремъ побѣдами. «Въ этихъ словахъ, сказалъ онъ, больше ума, нежели гордости; онъ зажигаютъ воображеніе и — не оскорбляютъ самолюбія.» — Это замѣчаніе прекрасно!...

XXIII.

Нѣкоторые искренніе друзья Наполеона, разсуждая съ нимъ откровенно о заклю-

ченіи мира при Кампо-Форміо, представляли ему, что онъ уступкою Императору Венеціанской Республики, одной изъ древнѣйшихъ въ свѣтъ, и уничтоженіемъ которой вознаградилъ Императора. «Я игралъ,» отвѣчалъ Наполеонъ, «въ двадцать одну (vingtum): получа двадцать, на томъ остановился.»

XXIV.

Когда Кампо-Формійскій миръ былъ заключенъ и статьи онаго, еще не подписанныя, доставлены были Наполеону, тогда онъ, увидя, что въ первой статьѣ Императоръ признаетъ Французскую республику, зачеркнулъ статью эту и сказалъ: «Французская Республика блеститъ на горизонтъ, какъ солнце: слышь тотъ, кого блескъ ея еще не поражаетъ!»

XXV.

Когда миръ былъ заключенъ между Франціею и Австріею въ Кампо-Форміо 17 Октября 1797 года, тогда Императоръ, по подписаніи прелиминарныхъ статей, прислалъ трехъ человекъ въ заложники. Бонапарте принялъ ихъ съ уваженіемъ, оставилъ у себя обѣдать и за десертомъ сказалъ имъ: »Господа! вы свободны. Повзжайте, скажите вашему Государю, что если его Императорское слово имѣеть нужду въ заложникахъ, то вы не можете быть ими; а если слово его не имѣеть нужды въ заложникахъ, то вы не должны быть ими, и — я охотно васъ отпускаю.»

XXVI.

Въ сраженіи при Арколь 15, 16 и 17 Ноября 1796 года, рѣшившемъ участь

Италии, арміи Австрійская и Французская дрались съ ожесточеніемъ. Сколь ни храбро наступалъ Генераль Ожеро на мость, но не могъ взойти. Наполеонъ, замѣтя это, подскакалъ къ гренадерамъ и сказалъ имъ: »Солдаты! неужели вы не тѣ самыя, которые побѣдили непріятеля при Лоди? Я не узнаю васъ!» Потомъ замѣтя, что слова его подѣйствовали на сердца гренадеръ, соскочилъ съ лошади, схватилъ знамя и, бросившись впередъ на мость, закричалъ: »За мной, солдаты, за вашимъ Генераломъ!» Колонна бросилась и овладѣла мостомъ.

XXVII.

Странное дѣло, что Наполеонъ никогда не велъ себя съ дамами приличнымъ образомъ. Казалось, что онъ нарочно хотѣлъ возбудить ихъ къ себѣ ненависть. Весьма часто говорилъ онъ имъ не только странныя, но даже непріятныя для

нихъ комплименты. Одной говорилъ онъ въ обществѣ: «Ахъ, Боже мой! какія у васъ красныя руки!» Другой: «Какая дурная прическа! Кто вамъ растрепалъ волосы?» — Иногда: «Какъ не чисто ваше платье!... Вы вѣрно никогда его не перемѣняете? Я видѣлъ его на васъ уже болѣе двадцати разъ!» Словомъ сказать, онъ не имѣлъ ни малѣйшей жалости къ Парижскимъ модницамъ.

XXVIII.

Бонапарте, такъ сказать, обожалъ Корнеля. Однажды послѣ представленія трагедіи Синна, онъ сказалъ: «Если бы этотъ человекъ, Корнель, жилъ въ мое время, я сдѣлалъ бы его первымъ Министромъ. Я обожаю его, однако же не за стихи его, но за великій умъ, за великое познаніе сердца человѣческаго, за глубокую политику» Въ послѣдствіи,

на островъ Св. Елены, Наполеонъ неоднократно говорилъ, что онъ бы сдѣлалъ Корнелия однимъ изъ первыхъ Королей Европы.

XXIX.

Бонопарте былъ еще первымъ Консуломъ, и въ то время, прогуливаясь однажды съ г-жею Арморгъ Тоннеръ, (нынѣ г-жа Таларю), которой даръ слова ему очень нравился, вдругъ остановился и спросилъ ее мрачно: «Скажите мнѣ откровенно, что вы обо мнѣ думаете?» Вопросъ былъ неожиданъ: отвѣчать было трудно. «Генераль! сказала умная дама, помолчавъ немного,—я думаю, что вы походите на искуснаго архитектора, который не хочетъ показать сооружаемаго имъ монумента до тѣхъ поръ, пока не будетъ оный приведенъ совершенно къ окончанію. Такъ и вы строите зданіе за непроницаемымъ заборомъ, который сломаете тогда, когда постройка

будеть кончена.» — «Такъ, сударыня! такъ, отвѣчалъ Наполеонъ съ необыкновенною скоростію; — вы меня поняли!... Будущее для меня все!...»

XXX.

Исторія, будучи часто принуждена выставлать честолюбіе лицъ, ея описываемыхъ, тѣмъ не менѣе обязана собирать черты похвальныхъ и благородныхъ чувствъ. Исторія Наполеона, сего достопамятнаго чловѣка, чаще напоминаетъ намъ невѣроятные и баснословные подвиги героевъ романтическихъ временъ, чѣмъ духъ рыцарства, имъ приписываемый; но поступокъ Наполеона съ Вурмзеромъ можетъ по справедливости быть уподобленъ поступку Чернаго Принца съ его царственнымъ плѣшникомъ, Королемъ Іоанномъ Французскимъ.

Въиномъ побѣдъ при Риволи и при Лафаворитъ была сдача Мантуи, которая стоила такъ много крови и защищалась съ такимъ упорствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ рѣшительнаго дѣла, не оставившаго Вурмзеру въ Мантуѣ даже никакой надежды къ спасенію, онъ продолжалъ защищать крѣпость съ упорствомъ, свойственнымъ чувствамъ храбраго ветерана, который до послѣдней крайности колебался между желаніемъ обороняться и убѣжденіемъ, что, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, дальнѣйшее сопротивленіе будетъ совершенно бесполезно. Наконецъ онъ послалъ своего Адыютанта Кленау (котораго имя въ послѣдствіи прославилось) въ главную квартиру къ начальствовавшему осадой, для переговоровъ о сдачѣ. Кленау повелъ обычный въ такихъ случаяхъ разговоръ. Онъ разпространился на счетъ средствъ; кото-

рыя, по словамъ его, оставались еще Мантуя для того, чтобы держаться; но сказалъ, что Вурмзеръ, сомнѣваясь въ полученіи своевременнаго подкрѣпленія и припасовъ, желаетъ распорядиться немедленно сдачею или дальнѣйшею обороною, сообразно съ условіями, которыя Французскій Генераль заблагоразсудитъ ему предписать.

Французскій офицеръ высокаго чина, завернувшись въ свой плащъ, стоялъ въ сторонѣ, но такъ, чтобы могъ слышать ихъ разговоръ. Когда разговоръ кончился, то сей неизвѣстный подошелъ ближе, и, взявъ перо, написалъ условія, на которыхъ Вурмзеру предоставлялось сдать крѣпость—условія, гораздо выгоднѣйшія, нежели какихъ можно было ожидать въ такой крайности.

«Вотъ, сказалъ незнакомый офицеръ Адыютанту, условія, которыя Вурмзеръ

можетъ принять теперь, и которыя предложатся ему во всякое время, когда онъ найдетъ сопротивленіе невозможнымъ. Мы полагаемъ, что онъ слишкомъ благородный человекъ для того, чтобы сдать крѣпость и городъ, имѣя еще средства защищаться. Если онъ промедлитъ согласиться на эти условія недѣлю, мѣсяць, два мѣсяца, то они будутъ тѣ же самыя, когда онъ заблагоразсудитъ ихъ принять. Завтра я перехожу чрезъ По и иду къ Риму!»—Кленау, замѣтивъ, что онъ говорилъ съ Французскимъ Главнокомандующимъ, откровенно признался ему, что гарнизонъ не можетъ болѣе медлить сдачею, имѣя только на три дни съѣстныхъ припасовъ.—Сія черта великодушія противъ храбраго, но несчастнаго непріятеля, дѣлаетъ Наполеону большую честь.

Этого еще мало: юный побѣдитель показалъ еще болѣе благородной раз-

борчивости, уклоняясь отъ личнаго присутвія при томъ, какъ престарѣлый воинъ Вурмзеръ, въ огорченіи, клалъ оружіе вмѣстѣ съ двадцати-тысячнымъ гарнизономъ, изъ числа которыхъ десять тысячъ были неспособныхъ на службу. Это самоотверженіе почти столько же содѣйствовало къ его славѣ, какъ его побѣды, и — не должно быть пропущено въ Исторіи.

XXXI.

Графъ де Артуа при отъѣздѣ былъ сопровождаемъ отрядомъ изъ 18 человекъ драгунъ, подъ командою поручика Морибу. Дворянство, составлявшее большую частію конную гвардію, оставило де Артуа, исключая одного, который остался вѣренъ этому Принцу и не оставлялъ его дотомъ, пока не былъ тотъ въ безопасности.

«Я никогда не оставлялъ безъ награды добраго дѣла — говорилъ Наполеонъ на островѣ Св. Елены:—я наименовалъ вѣрнаго подданнаго членомъ и кавалеромъ почетнаго Легіона.»

XXXII.

«Какъ новый Промстей, я прикованъ къ скалѣ, гдѣ злобный коршунъ терзаетъ по немногу мою внутренность. Такъ я похитилъ огонь съ неба, дабы воспламенить Францію; огонь возвратился къ своему источнику и я здѣсь.»

XXXIII.

«Когда я умру, сказалъ Наполеонъ однажды друзьямъ своимъ, каждый изъ васъ будетъ имѣть сладостное удовольствіе возвратиться въ Европу. Тамъ увидите

вы съ вашими родственниками, съ вашими друзьями; а я, въ поляхъ Елисейскихъ найду храбрыхъ моихъ товарищей. Тамъ—продолжалъ онъ—пониживъ голосъ, Клеберъ, Дезе, Бессьеръ, Дюрокъ, Ней, Мюратъ, Массена, Бертъе, всь меня встрѣтятъ; мы будемъ разговаривать о дѣлахъ нашихъ. Я расскажу имъ послѣднее событіе моей жизни; мы будемъ бесѣдовать о нашихъ битвахъ со Сципіонами, Анцибалами, Цесарями, Фридрихами....»

XXXIV.

Въ Корсикѣ, особенно въ окрестностяхъ Аяччіо, все напоминаетъ намъ Наполеона какъ юношу, или какъ частнаго чловѣка, урожденца Корсиканскаго. Для насъ странны кажутся такія воспоминанія о Наполеонѣ: мы привыкли видѣть

его въ бурь военныхъ или политическихъ событій. Все, что сбылось съ Наполеономъ послѣ отъѣзда его изъ Корсики, совершенно отдѣляется отъ исторіи, которую вамъ рассказываютъ здѣсь и на его родинѣ. Здѣсь онъ является частнымъ человекомъ. О Наполеонѣ, завоеватель Европы, Корсиканцы знаютъ по слуху. Всякой Корсиканецъ рассказываетъ намъ о Наполеонѣ; каждый увѣряетъ, что имѣлъ съ нимъ какія нибудь сношенія. Не рѣдко даже слышите отъ пастуховъ и лавочниковъ, что эксъ-Императоръ былъ имъ сродни, и сидя за своими каштановыми пирогами, съ величайшею снисходительностію какой нибудь родня Наполеоновъ рассказываетъ вамъ, чтобы онъ могъ быть, если бы взялъ на себя трудъ явиться къ Наполеону, когда этотъ Бонапарте былъ во-время, и чтобы случилось, еслибъ онъ вздумалъ представить свое загорѣлое отъ солнца

лице знаменитому родственнику! Гв, которые не имѣли чести принадлежать къ роднѣ Бонапарте, утѣшаютъ самихъ себя, рассказывая вамъ, что въ ихъ деревнѣ найдется еще можетъ быть и теперь десятокъ людей, могущихъ быть Наполеонами, если бы счастье имъ также помогало, какъ ему. *Estate tlice!*... ска- залъ мнѣ одинъ пастухъ, говоря о великомъ своемъ соотечественникѣ, и я легко понялъ, чего не хотѣлъ онъ договорить. «Другимъ не достаетъ счастья Наполеоновскаго!» Какъ не повѣрить этому!

Въ Аякчіо, посѣтивъ комнату, въ которой родился Наполеонъ, съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на небольшую площадку передъ домомъ, усаженную деревьями, гдѣ Наполеонъ игралъ, маршировалъ въ дѣтствѣ. Тутъ маленькая желѣзная пушка, бывшая любимою его игрушкою, и, можетъ быть, раскрывшая въ немъ впервые ту воен-

ную склонность, которая подъ Тулономъ печаянно явила въ немъ ученаго Инженера, а подъ Арколою великаго Генерала. Послѣ того съ сильнымъ чувствомъ, какое производитъ въ насъ воспоминаніе о дѣтствѣ великаго человѣка, я ходилъ въ садъ, принадлежавшій семейству Бонапарте. Здѣсь долго сидѣлъ я въ гротѣ, образованномъ двумя огромными утесами, взгроможденными одинъ надъ другимъ, и въ которомъ школьникъ Наполеонъ училъ своего Эвклида, и, можетъ быть, мечталъ со всѣмъ не о тихихъ занятіяхъ науками. Всѣ, знавшіе его (каждый старикъ такъ свѣжо его помнитъ, какъ будто вчера только видѣлъ), согласно рассказываютъ, что онъ былъ угрюмъ, молчаливъ и скромнень. Онъ вмѣшивался въ толпу другихъ человѣческихъ существъ, когда могъ повелѣвать ими, и удалялся отъ нихъ, когда должно было повиноваться.

За городомъ, на одной изъ возвышенностей, которыми онъ окруженъ, есть развалины небольшой крѣпости, называемыя Cortino. «Если бы у меня было 4000 ливровъ дохода,» сказалъ Наполеонъ одному человеку, который самъ пересказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ, «я зналъ бы что сдѣлать.»—А что жъ бы вы сдѣлали?—«Вонъ тамъ построилъ бы себѣ домъ.»—Для чего же? Здѣсь такая пустыня!—«Правда, но я могъ бы повѣлывать всѣмъ городомъ.» Не правда ли, что въ этихъ немногихъ словахъ раскрывается весь человекъ....

XXXV.

Наканунъ сраженія, послѣдовавшаго, какъ извѣстно, и наканунъ дня коронаванія Императора, 46 линейный полкъ, послѣ утомительнаго похода, вступя въ линію, сталъ биваками. Въ 9 часовъ

вечера Императоръ, въ сопровожденіи своего штаба, захотѣлъ пройти по линіи. Поровнявшись съ 46 полкомъ и замѣтивъ, что гренадерская рота спала глубокимъ сномъ, сказалъ окружающимъ его: «Ч... возьми! какъ покойно спятъ они!» — И точно покойно! отвѣчалъ гренадеръ Аршеръ, который еще не спалъ, услышавъ сказанное и узнавъ голосъ своего Государя; — мы можемъ покойно спать, потому что ты не спишь! — Нѣсколько товарищей гренадера вскочили, предполагая, что Императоръ, принявъ сіе за непочтительность, осердится; но Наполеонъ, не оказавъ ни малѣйшаго гнѣва, подошелъ ближе и далъ Аршеру 5 наполеондоровъ. — «Государь! — сказалъ гренадеръ — не безпокойся: именемъ моихъ товарищей обещаю тебѣ завтра же для празднества дня твоего коронованія отнять у непріятеля и пушки и знамена.»

Сказавъ это, Аршеръ схватилъ пучекъ соломы, зажегъ его и закричалъ:» да, здравствуетъ Императоръ!» — Товарищи гренадера послѣдовали этому примѣру, и въ одно мгновеніе по всей линіи раздался крикъ: *vive Napoléon!* и запылали пучки соломы. Наполеонъ улыбнулся и удалился.

XXXVI.

Наполеонъ ознаменовалъ пребываніе свое въ столицѣ Пруссіи отличнымъ, великодушнымъ поступкомъ. Онъ препоручилъ тамъ управленіе гражданскою частію Гатсфельду. Князь, полагая, что завоеваніе Пруссіи Наполеономъ не разрѣшило его еще отъ служенія своему Государю, воспользовался довѣренностію Наполеона и увѣдомилъ Короля своего Вильгельма о движеніи Французской ар-

ми. Письмо его было перехвачено и вручено Императору. Гатсфельдъ тотчасъ отданъ былъ подъ военный судъ и судился какъ измѣнникъ. Въ 24 часа онъ долженъ быть разстрѣлянъ. Супруга Князя явилась къ Наполеону, пала къ ногамъ его и увѣряла, что преступленіе ея мужа есть ничто иное, какъ клевета. «Вы знаете руку вашего мужа?» спросилъ Наполеонъ, подавая ей перехваченное письмо. «И такъ я васъ дѣлаю его судьей!» Княгиня была беременна уже 8 мѣсяцовъ, приняла письмо и, читая его, нѣсколько разъ падала въ обморокъ. Императоръ давалъ ей нюхать спиртъ, и потомъ, тронутый ея положеніемъ, сказалъ: »И такъ, сударыня, письмо въ рукахъ вашихъ, бросьте его въ этотъ камень: одно оно только обвиняетъ вашего мужа; сожгите его и я не буду имѣть доказательства.» — Княгиня не вѣрила ушамъ своимъ и медлила ис-

Полнить волю Императора. Тогда онъ самъ взялъ письмо, бросилъ его въ огонь и тотчасъ приказалъ освободить приговореннаго къ смерти.

Этотъ поступокъ стоитъ многихъ побѣдъ.

XXXVII.

«Это долженъ быть какой нибудь Тиролецъ, который попалъ въ меня на такомъ дальномъ разстоянїи: они весьма искусны въ стрѣльбѣ,» сказалъ хладнокровно Императоръ, получивъ рану пулею въ правую ногу въ сраженїи при Регенсбургѣ; и едва давъ время главному своему доктору Ларрею перевязать наскоро платкомъ рану, побѣжалъ впередъ.

XXXVIII.

«Фортуна есть кокетка.... баба негодная!... Надобно пользоваться ея благо-

склонностию и страшиться ея гнѣва...
она женщина!» Такъ говорилъ всегда
Наполеонъ Маршаламъ. Не такъ ли ду-
малъ и Суворовъ?

К о н е ц ъ.

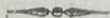
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	Стр.
Характеристика Наполеона.	3
Духовное завѣщаніе Наполеона.	16
Списокъ подъ литерою А, служащій до- полненіемъ къ духовному завѣщанію Наполеона.	20
Послѣдній приказъ Наполеона по полу- ченіи извѣстія, что Сенатъ лишилъ его короны.	21
Ретирада Наполеона изъ Россіи.	23
Отъездъ Наполеона на островъ Эльбу. —	
Погребеніе Наполеона.	26
I. } II. } III. } IV. } V. } VI. } VII. } VIII. } IX. }	Разные анекдоты и изрѣченія изъ жизни Наполеона.

X.
XI.
XII.
XIII.
XIV.
XV.
XVI.
XVII.
XVIII.
XIX.
XX.
XXI.
XXII.
XXIII.
XXIV.
XXV.
XXVI.
XXVII.
XXVIII.
XXIX.
XXX.
XXXI.
XXXII.
XXXIII.
XXXIV.
XXXV.
XXXVI.
XXXVII.
XXXVIII.

Разные анекдоты и изрѣченія
изъ жизни Наполеона.

0-85

Handwritten text at the top right, including a circled number '20' and other illegible characters.

Handwritten text in the center of the page, appearing to be a name or title, possibly 'H. H. H.' or similar.

2007332739